

АКАДЕМИК
НИКОЛАЙ ДЕРЖАВИН

Дековая
БОРЬБА СЛАВЯН
С НЕМЕЦКИМИ
ЗАХВАТЧИКАМИ

ИЗДАНИЕ ВСЕСЛАВЯНСКОГО КОМИТЕТА
МОСКВА • 1913

Академик
НИКОЛАЙ ДЕРЖАВИН

Бесковая
БОРЬБА СЛАВЯН
С НЕМЕЦКИМИ
ЗАХВАТЧИКАМИ

ИЗДАНИЕ ВСЕСЛАВЯНСКОГО КОМИТЕТА

Москва
1943

ВВЕДЕНИЕ

Вероломлю вторглись в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. на территорию Советского Союза, Гитлер, судя по его неоднократным хвастливым высказываниям, разрешал две основные задачи: во-первых, своим походом на Советский Союз он возобновлял «евковой поход германцев на Восток» — по пути рыцарского ордена — для увеличения территории Германии путём захвата новых земель в Европе за счёт России, и, во-вторых, походом на славянский Восток он осуществлял основной принцип своей международной политики — истребление славянских народов. Как известно, Гитлеру принадлежит беспримерное по циничной откровенности заявление о том, что, если мы хотим создать нашу великую германскую империю, то мы должны прежде всего выгнать и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов».

К славянским народам фашистские изверги питают самую бешеную ненависть. Источник этой ненависти кроется в основных установках империалистической партии гитлеровцев, «наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира» (Сталин). Гитлеризм — это не только война, но война истребительная, война, ставящая своей задачей физическое истребление всех славянских народов, в том числе в первую очередь русского народа. Захват их территорий должен создать немескаемые ресурсы для дальнейшего развёртывания захватнических планов мирового господства. Поэтому война гитлеровской Германии против Советского Союза — это разбойничья, захватническая, несправедливая война, диктуемая исключительно хищническими интересами германского монополистического капитала.

В течение свыше тысяч лет, начиная с VII века, свободные демократические славянские народы стояли

непреодолимой преградой на путях хищнической экспансии немецких завоевателей, стремившихся на восток от рек Эльбы, Одера и Вислы, и всегда оказывали агрессорам такое упорное и стойкое сопротивление, как продолжают оказывать его и сейчас. Этим объясняется бесценная ненависть фашистских извергов к славянским народам и их изуверская, анти-славянская истребительная политика.

Крупнейшим из славянских народов, который в течение многих веков в борьбе за своё правое дело, за свою свободу и независимость давал уничтожающий отпор захватническим устремлениям немецких варваров в средние века и немецким империалистам в новое время, был и остаётся русский народ, старший брат, защитник и друг всех славянских народов. Вплоть естественно поэтому, что в течение ряда веков именно на русском народе заострилась исключительная ненависть немецких варваров-завоевателей и империалистов и в конце концов вылилась у гитлеровцев в исключительно озлобленную, зверскую ненависть к русским.

Разгромить Советский Союз, в котором 80% населения составляют славяне, и поработить его народы — завещания Гитлера и его империалистической своры. Эта мечта созрела в нём задолго до прихода к власти, хотя и не им выдумана. Средневековые немецкие варвары-завоеватели мечтали распространить своё владычество за Эльбу на восток, на территорию польских и прибалтийских славян, и даже за Вислу, на территорию польских, литовских и восточнославянских племён — русских, украинцев и белорусов, что впервые было начато Карлом Великим в 782—789 гг. Огодительные империалисты-пангерманы XIX—XX веков мечтали захватить Россию и прервать её в немецкую колонию. Это и есть тот «вековой гитлер германцев на Востоке», который тулоуный крапль Гитлер, осомнивший себя новым Наполеоном, решился возобновить в плане скандально провадившегося «молниеносного» удара на Москву.

Многовековую захватническую борьбу немецких насильников со славянами галак народов Гитлер называет борьбой немецкого народа за «оживлённое пространство». Это, конечно, пустая болтовня, за которой в действительности скрывается и которой прикрывается для тулоуного немецкого обывателя захватническая война, диктуемая интересами мировой экспансии германского монополистического капитала.

Всё европейское средневековье, начиная с VII века, и вся новая история славянских народов вплоть до начала XX века

заполнены немецкими разбойничьими захватами славянских земель и массовым истреблением славянского народа.

Уже в 658 г. часть чехо-моравских племён, вошедших в состав первого западославянского государства Само, была завоевана немцами и оставалась под немецким игом до начала IX века, когда, сбросив с себя немецкое иго, эти племена создали Великоморавское княжество Моймира. Но и после этого немцы не оставляют чехо-моравский народ в покое и в течение ряда столетий периодически продолжают свои вторжения на его территорию. Разгром, убийства и разорение чехо-моравского народа продолжались вплоть до 1620 г., когда после Белогорской битвы он был сломлен превосходящими силами немецких бандитов и на три столетия попал под чужденациональное, австро-немецкое иго Габсбургов.

В 906 г. южные владения Великоморавского княжества были захвачены венгерскими хищниками; с этого времени словацкий народ оказался отрезанным от чехо-моравских племён и в течение последующих тысяч лет своего существования, вплоть до 1918 г., находился под венгерским игом.

Несмотря, однако, на все многовековые испытания, выданные на долю героических народов Чехословакии, за все века народных страданий они не утратили из своего родного языка, ни своего национального сознания, что и помогло им в 1918 г., сбросив революционным путём со своих плеч австро-венгерское иго, быстро стать на ноги и создать национальное, свободное и независимое, цветущее государство. Этот факт служит лучшим залогом того, что и сейчас временно порабождённые Гитлером народы Чехословакии так же успешно справятся с немецкими насильниками, как они не раз справлялись и раньше с их предшественниками, немецкими варварами средневековья, оказывая им стойкое и мужественное сопротивление.

Ещё более разительный пример в этом смысле представляет собой маленький словацкий, или словенский, народ, насчитывающий сейчас всего около 2 миллионов человек и входивший начиная с 1918 г. в состав Югославии. Словацкий народ утратил свою национальную государственность в VIII веке, когда был завоеван немецким захватчиком всей Западной Европы (вплоть до реки Эбро на Пиренейском полуострове и города Рима на Апеннинском полуострове) Карлом, прозванным Великим, и попал сначала под немецкое, а затем под австро-венгерское иго. С тех пор вплоть

до 1918 г. этот славянский народ находился под чужеземным угнетением. И тем не менее за многие века своей подневольной жизни, в упорной борьбе со своими насильниками за национальное самосохранение, словенский народ не утратил ни своего языка, ни своей национальной культуры, ни своего национального сознания, никогда не был и не стал, как и прочие славянские народы, ни немецким, ни венгерским рабом и не исчез как народ с этнографической карты Европы. Напротив, в многовековой борьбе со своими врагами словенский народ окреп и вырос, создал свою богатую литературу, свой университет в Любляне, богатейший национальный музей, а в самое последнее время и собственную национальную Академию наук. Сейчас словенский народ ограблен, разорён и временно поработчен немецкими и итальянскими фашистами.

Несколько позже словенцев, в XII веке, утратил свою национальную государственность хорватский народ, подпавший под венгерское иго. Но и этот народ, отпавший сейчас Гитлером в бесконтрольную власть убийцы, предателя и изменника родины Павловича, за многие века своей подневольной жизни не утратил ни своего родного языка, ни своей национальной культуры. Напротив, в многовековой и упорной борьбе со своими насильниками хорватский народ вырос экономически и культурно и не раз давал Габсбургам решительный отпор в их посягательствах на национальную культуру хорватов. В результате этой борьбы с середины XIX века у хорватов развивается мощное национально-освободительное движение, создаётся богатая национальная литература и организуется национальный университет и Академия наук в Загребе. Наиболее экономически и политически передовым из южнославянских народов, хорватскому народу, принадлежит и инициатива создания независимой Югославии. Как известно, несмотря на многовековое венгерское иго, хорватский народ никогда не был и не стал рабом венгерских магнатов.

То же самое надо сказать и о героическом сербском народе, и о болгарском народе, и о многострадавшем польском народе, и о сербах лужичанах, и о поморских словенцах, и о кашубах, начиная с XII века томившихся под немецким игом, и о маленьком героическом народе, захваченном украинцами, отпавшем сейчас Гитлером во власть венгерских хищников.

Сербский народ на Балканском полуострове нёс на своих плечах турецкое иго в течение 400 лет; сербский народ на левобережье Дуная был под венгерским игом в течение

400 лет; болгарский народ в своей истории пережил два иго: византийско-греческое в течение 200 лет (с X по XII век) и турецкое в течение 500 лет (с XIV по XIX век).

В XII веке немецкие варвары закончили завоевание полабик (по реке Эльбе, славянская Лаба) и прибалтийских славян, оказавших немцам хищникам героическое сопротивление в течение 400 лет, и пытались заложить свою лову на русский народ. Но здесь им не повезло. 5 апреля 1242 г. псковичи, новгородцы и суздальцы под командованием гениального полководца Александра Ярославича Невского нанесли немцам псам-рыцарям на льду Чудского озера катастрофическое поражение («Ледовое побоище») и выгнали их из России. Это была первая славянская страница в истории борьбы русского народа с немецкими захватчиками. Её продолжением была не менее блестящая победа над крестоносцами объединённых сил славянских народов — русского, белорусского, украинского, польского, чехо-моравского и литовского народов под Грюновым и Танненбергом 15 июля 1410 г. В промежутке между этими двумя славянскими победами, в 1238 г., галицко-волынский князь Даниил Романович разгромил немецких рыцарей под Дорогичином, на Волыни.

После этих неудачных попыток хищнического нападения на русский народ немцы на долгое время, вплоть до XVIII века, отказались от мысли распространить своё владычество на славянский Восток, за Вислу и Неман. Однако, захватив в свои руки прибалтийские области литовцев, латышей и эстонцев и создав здесь своё Ливонское государство, немецкие рыцари не только держали в рабстве местное население, но, как былинный «Соловей-разбойник», заложив свои рабовники на суше и на море просеужью дорогу из России на Запад. Они не выполняли своих договорных обязательств, грабили купцов, задерживали товары, направлявшиеся в Россию, и не пропускали в Москву ремесленников, мастеровых и учёных, которых приглашал к себе на работу Иван Васильевич Грозный. Россия принуждена была прибегнуть к оружию, чтобы заставить немцев исполнять свои международные обязательства, и ещё раз жестоко проучила немецких хищников. В 1558 г. русские войска взяли сильную крепость Нарву, город Дерпт (русский Юрьев) и заняли до 200 ливонских городов и крупных селений. В результате Ливонской войны земля Ливонского ордена была захвачена Данией, Швецией, Литвой и Польшей, а Ливонский орден прекратил своё существование (1561 г.).

Однако и после разгрома Ливонского ордена соблазнитель-

ная мысль о захватах на славянском Востоке, пойдя-
тому, не давала покоя немцам захватчикам, но долгое
время они воздерживались от возобновления своих авантю-
ристических предприятий. Только спустя десяти лет Фри-
дрих II, прозванный Великим (1756—1763), тактичный «пру-
сак» и основоположник великодержавного «пруссачества» —
своеобразной, убогой системы мышления и политиче-
ской практики, ставших немецкому народу неисчислимым
жертв и бедствий, — вновь заявил свои захватнические притязания на русское балтийское побережье.

В целях отпора этим притязаниям Россия приняла участие
в Семилетней войне и вновь дала немцам блестящий пред-
метный урок на тему, как опасно немецкой свинье совать
свой рыло в русский огород. Армия Фридриха II была «об-
разцовой», считалась всеми в Европе «непобедимой», а сам
Фридрих — величайшим стратегом и полководцем. И, тем не
менее, в январе 1758 г. главный город Восточной Пруссии
Кёнигсберг сдался русским войскам без боя; в июне того
же года русские войска нанесли хваленной армии пруссаков
катастрофическое поражение при Цорндорфе; 30 августа
1757 г. русские войска нанесли второе такое же поражение
пруссакм у деревни Гросс-Егерсдорф и обратили их вместе
с прусским фельдмаршалом Левальдом в паническое бег-
ство; 12 августа 1759 г. русские войска одержали третью
блестящую и решительную победу над главными силами
Фридриха при Кунерсдорфе. «Непобедимая» армия Фри-
дриха позорно бежала с поля битвы, а сам прусский король
едва спасся от русского плена. Наконец, 9 сентября 1760 г.
русские войска вступили в Берлин, несмотря на то, что под
Берлином стояла численно двояние превосходившая русский
отряд армия Фридриха. Удар, нанесённый русскими войска-
ми Фридриху II, вообразившему себя действительно «непо-
бедимым», произвёл на него настолько сильное впечатление,
что он оставил в своём завещании на память потомству и в
рукоиздество своим преемникам следующий зорек:

«Из всех соседей Пруссии самым опасным является Рос-
сия как по своему могуществу, так и по географическому
положению. Правители Пруссии после меня будут иметь до-
статочно оснований поддерживать дружбу с этими варва-
рами». Этот зорек Фридриха II хоршо помнили все ответ-
ственные руководители внешней политики Германии вплоть
до отставки в 1890 г. канцлера Бисмарка. Вильгельм II забыл
завещание своего прадеда, затеял первую мировую войну и
расплатился за империалистическую авантюру своей кор-
ной. Предпринятое в конце мировой войны 1914—1918 гг.

вторжение немцев на Украину и в Белоруссию закончилось
разгромом их и паническим бегством в Германию.

Такова в общем картина исторических судеб славянства в
окружении чужеземных завоевателей и насильников, поку-
шавшихся на славянскую национальную свободу и государ-
ственную независимость.

Как, однако, им тяжело жилось славянам в их историче-
ском прошлом, они никогда не были истинными рабами. Месты
палач народов, провозглаголющего и изверга Гитлера и
его фашистской своры превратить славян в массу рабов ни-
когда не осуществлены. Никакие насилия и массовые рас-
стрелы славян кровожидными фашистскими орадами не помо-
гут их гнусному делу. Свободолюбивый демократический
славянский народ никогда не согнёт своей спины перед
фашистскими мерзавцами. На пытки, расстрелы и издева-
тельства он ответит беспощадной мстостью за себя, за своих
изувеченных срод и братьев, за своих убитых детей, за свою
растерзанную и окровавленную родину.

«Гитлер задумал истребить и поработить славянские на-
роды, — пишет «Правда» в номере от 29 ноября 1941 г., —
но никогда славяне не будут рабами! Нет таких сил, кото-
рые могли бы заставить русский, украинский, белорусский
народы, поляков, чехов, сербов отказаться от непримиримой
борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Эта борьба
идёт не на жизнь, а на смерть. Она будет доведена до своего
конца — до полного разгрома оккупантов, до полного их
истребления. В этой борьбе на стороне славянских народов,
в союзе с ними все свобододобивные народы мира, крупней-
шие демократические государства».

Действительно, с каждым днём на наших глазах всё шире
и шире растёт в славянских странах священная ненависть к
фашистским извергам; с каждым днём всё больше и больше
крпится единый фронт всенародного восстания славянских
народов против гитлеризма во имя защиты родины, свободы,
государственной независимости, национальной культуры.

Объединение всех славянских народов востока, юга и запа-
да в единый национальный фронт борьбы с кровавым
фашизмом составляет сейчас важнейшую переднюю задачу.

Героическая Красная Армия с каждым днём наносит всё
более и более сокрушительные удары по врагу и под руко-
водством своего Верховного Главнокомандующего, Маршала
Советского Союза товарища Сталина ведёт угнетённые фа-
шизмом славянские народы и все передовое человечество
к окончательной победе над кровавым насильником.

Полное разорение, нищета, голод, страдания и смерть —

вол что привёс гитлеризм своим «новым порядком» славянским народам. Несмотря, однако, на жесточайший фашистский террор, нигде в славянских странах народ не остался и не остаётся покорным своей участи. Ни в Чехословакии, ни в Польше, ни в Югославии, ни на Украине, ни в Белоруссии, ни во временно оккупированных фашистскими мерзавцами российских областях и районах — славянский народ не склоняет своих колен перед извергами-нацистами. В пламенной, негнрмируемой ненависти к ним, партизанской борьбой, саботажем, диверсионными актами оказывает он фашистским варварам упорное и стойкое сопротивление, нарастающее с каждым днём и перерастающее в беспощадную антифашистскую народную войну.

Честь и слава славянским богатырям, героям-партизанам! Героическая Красная Армия до сих пор одна выносила основную тяжесть кровавой борьбы с гитлеровскими хищниками. Объединённый лозинг свободолобивых наций ускорила разгром гитлеровских полчищ, приблизил конец фашистского разбоя. Крепнущий антифашистский славянский фронт является мощным и верным союзником доблестной Красной Армии в деле окончательной, решительной ликвидации гитлеризма.

Братья славяне! Чао нашего освобождения недалек. Правда на нашей стороне. Победа будет за нами!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начальный период наступления немецких варваров — завоевателей средневековья — на славянский Восток

Наступление немцев на чехо-моравский и словенский народы в VII—XII веках

»

1. ГОСУДАРСТВО САМО (623—658)

В VI веке на территории Посавской Паннонии, т. е. Паннонии, расположенной в бассейне рек Савы и Дравы, правых притоков Дуная, и находившейся под властью Восточноримской (Византийской) империи, появились на приазовско-каспийских степей кочевой народ авары, получивший по договору с Византией названную территорию для поселения. По своему коренному населению это была славянская область, известная в древности под именем Сирмиум, впоследствии — сербская область Срем.

Однако авары не удовлетворились территорией, предоставленной в их распоряжение византийским правительством. В 568 г. они насильственно захватили северную Паннонию, расположенную между реками Дравой и Дунаем и населённую словенскими и чехо-моравскими племенами дулебов, или дудлебов.

Укрепившись в Паннонии, авары стали злейшим и опаснейшим врагом Византии и славян. Насилия аварских хищников над славянами нашли отражение в Киевской летописи, где авары выступают под именем народа обры. «Эти обры, — рассказывает летописец, — восстали со славянами и подчинили себе дулебов, тех же славян, и творили насилия над дулебскими женщинами: если обрину заво было ехать, то он не позволял запрягать ни коня, ни волов, а приказывал запрячь 3, 4 или 5 женщин в телегу и везти обрина; и так обры мучили дулебов, ибо они были телом великаны, а умом горды, и бог их уничтожил, и все они вымерли, и не осталось ни одного обрина. Сохранилась до настоящего дня пословица на Русе: «Погубоша акы обры, их же несть ни племени, ни населия».

Притесняемые аварами, паннонские, чешские и моравские славяне в 623 г. восстали против насильников. Во главе

восставший стоял один из наиболее активных и энергичных его инициаторов и организаторов, некто Само, повидимому, один из наиболее влиятельных вождей чехо-моравских племён. Для отпора аварам ему удалось объединить в союз ряд соседних чехо-моравских и паннонских славянских племён. Так были заложены первые основы государственного объединения у западных славян, и хотя ему не удалось окрестить и вырасти в подлинную государственную организацию, тем не менее под руководством Само славяне успешно расправились с аварами и сбросили с себя их тяжёлое иго.

Само с таким же успехом вёл борьбу и с немцами-франками, нападавшими и грабившими народы Чехословакии с запада, и разбил армию франкского короля Дагоберта I (622—638).

В 658 г. Само умер. Организованное им первое государственное объединение западнославянских племён распалось. Часть чехо-моравских племён оказалась под властью немцев, которым выплачивала ежегодную дань.

Центром державы Само была Чехо-Моравия со столицей Вышнеград (Градице) на реке Мораве.

Таким образом, уже начиная с VII века чехо-моравским и словенским племенам приходится отбиваться от немецких захватчиков.

2. ВЕЛИКОМОРАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

(818—906)

В начале IX века союз чехо-моравских племён, сбросив с себя немецкое иго, вырастает под руководством князя Моймира (818—846) в государственное объединение, известное в истории под названием Великоморавского княжества. Немцы, однако, не расстаются с мыслью подчинить себе вновь образовавшееся чехо-моравское государство, и в 846 г. Людовик I Немецкому (804—876) удаётся свергнуть с престола Моймира и послать на его место его племянника Ростислава (846—869). Но немцам на этот раз недолго пришлось торжествовать свою победу над чехо-моравским народом. На обратном пути из Моравии войско Людовика потерпело поражение, после чего все последующие попытки Людовика вторгнуться на территорию Моравии и подчинить её себе оканчивались обычно неудачей. Только 18 лет спустя после этого Людовику удалось — правда, на очень короткий срок — добиться своей цели: он захватил в свои княжеские лапы Чехо-Моравию и разграбил её. Тщательно подготовившись к походу и заручившись

предварительно «благословением» на это гнусное дело римского папы Николая, в 864 г. Людовик с огромным войском переправился через Дунай у Довина (вероятно, у нынешнего Деяна, старой крепости, расположенной на высокой скале при впадении реки Моравы в Дунай), где встретился с Ростиславом. Уступая значительно превосходящим силам противника, моравский князь принуждён был принять условия, продиктованные немцами хитрецом. Условия эти обязывали Ростислава и всех его вельмож к пожизненной верности и преданности немецкому королю.

Создавшееся для Моравии подневольное положение продолжалось до 869 г., т. е. в течение пяти лет, когда в Моравии вспыхнуло общенародное восстание против немецких захватчиков. В результате этого восстания специальной папской буллой Адриана впервые для западных славян был санкционирован римской курией славянский язык в качестве языка религиозного культа вместо обязательного до тех пор латинского языка. Моравия получила собственное, независимое от немецкого духовенства церковное управление во главе с известным славянским просветителем и создателем славянской письменности Мефодием в качестве епископа, подчинённое непосредственно римской курии. Это значительно упростило политическое положение Великоморавии, которая в это время в борьбе с немецкими захватчиками становилась тем самым под покровительство римского папы.

В это время во главе словенской Паннонии стоял князь Коцел, обучившийся между прочим, славянской грамоте под руководством Мефодия и усердно поддерживавший в упорной борьбе с немцами духовенство славянского письма и славянский язык и лично Мефодия, против которого немцы вели бешеную травлю.

В 874 г. Коцел умер, и положение вещей в Паннонии резко изменилось к худшему. Часть нижней Паннонии, простиравшейся вплоть до Блатенского озера с центром в городе Петовир (славянский Птув), отходила к внуку Людовика, сыну Карломана Баварского, Арнульфу, как Дудлебское графство, а верхняя и восточная Паннония отошли в владение князя Нитры, Святополка (871—894).

В союзе с Карломаном Баварским Святополк сверг с престола своего дядю Ростислава и осенью 870 г. выдал его немцам, которые ослепили Ростислава и заточили пожизненно в монастырь. Однако уже в 871 г. Святополк изменил немцам и, одержав победу над баварскими войсками, завладел Моравией, утвердился на великоморавском престоле, но признал верховную власть над Моравией за немцами. Это,

впрочем, не спасло его от мести со стороны немцев. В том же 871 г. он был схвачен немцами и интернирован в городе Регенсбурге, на верхнем Дунае, в Баварии, где был предан суду, а немцы, захватив Моравию, разграбили и опустошили её.

Разбойничье нападение немецких извергов на Моравию вызвало восстание моравского народа против захватчиков.

В связи с созданием в Моравии обстановки регенсбургский суд оправдал Святополка, а немецкое баварское правительство предложило ему усмирить восстание, обещава в награду за это возвращение прежних княжеских прав.

Святополк принял предложение баварского правительства, но, явившись в Моравию, перешёл на сторону восставшего народа, разгромил немецкие войска и затем в союзе с чехами и полабскими славянами вёл в течение нескольких лет, вплоть до 874 г., упорную войну с немцами за свободу и независимость Моравии. В результате этой войны немцы вынуждены были заключить со Святополком мир и признать его независимым князем Моравии.

Во время княжения Святополка Моравия достигла значительных успехов, а имя Святополка приобрело широкую популярность не только в Моравии, но и за её пределами, у всех соседних народов. Вторая половина княжения Святополка проходит, однако, в атмосфере обостренных отношений с немцами, которые несколько раз своими вторжениями опустошают Моравию. Стремление Святополка выдвинуть добрососедские отношения с немцами заставило его вступить на путь соглашательской политики, которая имела для моравского народа тяжёлые последствия. Первым таким мероприятием Святополка в духе этой политики было предоставление территории Моравии для поселения немецких колонистов, которые с этого времени и вводили страну и всегда в истории Чехо-Моравии играли предательскую роль внутреннего агента немецких захватчиков.

В связи с этой же соглашательской «немецкой» политикой Святополка стоит и второе крупнейшее событие в культурной и политической жизни чехо-моравского народа — ликвидация в Чехо-Моравии славянского языка, как языка религиозного культа и народного просвещения. В обострившейся борьбе с немецким духовенством и его притязаниями на моравскую епархию Святополк не поддержал Мефодия. Воспользовавшись этим обстоятельством, немецкое духовенство подняло против Мефодия ожесточённую травлю и в конце концов заключило его в тюрьму, где свиреп Мефодий провёл в тяжёлых лишениях два с половиной года. Когда самоволь-

ная расправа немецких епископов над Мефодием была, наконец, разоблачена, Мефодий был освобождён из заключения и восстановлен в своих правах.

С этого времени начинается особенно широкая культурно-просветительная деятельность Мефодия в Моравии и за её пределами, и с этого же времени возобновляется ожесточённая травля его со стороны немецкого духовенства, обвивавшего теперь Мефодия в ереси и отправлявшего церковной службой на славянском языке, что, по утверждению обвинителей, противоречило будто бы традициям христианской церкви, разрешившей совершать богослужения только на трёх языках: еврейском, греческом и латинском. Немецкое духовенство сфабриковало подложное письмо от папы, требовавшее отстранения Мефодия от руководства моравской церковью, но этот гнусный шаг непримиримых врагов славянства, прикрывавших борьбу с Мефодием подлинные планы хищнического захвата Моравии, не имел успеха. Мефодий продолжал в Моравии свою плодотворную культурно-просветительную и литературно-переводческую работу.

В апреле 885 г. Мефодий умер, назначив накануне смерти своим преемником по управлению моравской церковью одного из ближайших своих учеников и сотрудников, Горазда. Младший брат Мефодия, Константин, создатель славянской азбуки, умер раньше него, в 869 г., в Риме, где и был похоронен, приняв перед смертью монашество с именем Кирилла. Под этим вторым именем он и известен в истории славянских народов.

Немедленно после смерти Мефодия немецкое духовенство предприняло ряд решительных шагов к ликвидации в Моравии славянского культурного наследия содружия братьев, славянских просветителей Константина и Мефодия. В результате этого антиславянского похода немецкого духовенства ученик Мефодия Горазд не был утверждён преемником Мефодия на моравской епископской кафедре. На эту должность руководителя славянской церкви в Моравии был назначен немец Епхинг, возглавлявший интриги, направленные как лично против Мефодия, так и против его деятельности в Моравии. Вслед за этим по подложному письму римского папы Стефана, сфабрикованному тем же Епхингом, славянский язык был строгойшим образом запрещён как язык культа и народного просвещения, чем был нанесён решительный удар по дальнейшему развитию славянской письменности у западных славян.

После смерти Мефодия многочисленные его ученики и сотрудники во главе с Гораздом и Климентом, выдающимися

славянским писателем того времени, подверглись жестокому преследованиям. Один был продан в рабство в Венецию, другие, наиболее выдающиеся и талантливые — например Горазд, Климент, Лаврентий, Наум, Савва, Ангедарий, — были сначала заключены в тюрьму, а затем доставлены на Дунай и высланы из страны. Отсюда Климент, Наум и Ангедарий с большим трудом добрались по Дунаю в Белград, где и были гостеприимно встречены наместником болгарского князя Бориса-Михаила (Белград со своим округом входил в это время во владения болгарского князя). Наместник проводил их из Белграда к Борису, который принял в них жемейшее участие. Дальнейшая плодотворная литературная и учительская деятельность Климента и Наума протекала затем уже в Болгарии.

С ликвидацией в Моравии славянской письменности и независимой славянской церковной организации была порвана культурная связь западного славянства с южными, а также, вероятно, и с восточным, т. е. с русскими славянами, имевшими в это время своим культурным центром город Киев. Здесь первыми пионерами христианства и славянской письменности, ещё до официального принятия христианства в 988 г. киевским князем Владимиром от Византии, были именно западные славяне, которые, однако, с этого же времени сами включаются в сферу влияния римско-католической культуры. Управление славянской церковью в Моравии захватило в свои руки немецкое духовенство во главе с Винхингом, который был ревностным поборником политических интересов в Моравии немецкого короля. Таким образом, славянский народный язык, как язык культуры и просвещения, и славянская письменность в Моравии были временно захвачены немецкими верверами во главе с антраганом и жуликом, немецким епископом Винхингом.

После нескольких лет непрерывных войн с немцами захваченными, в 895 г., Святополк заключил мир с немецким королём Арнульфом, в результате чего и получил в своё владение — в благодарность за помощь, оказанную Арнульфу при захвате престола, — Чехию, а также славянское княжество Паннонию, находившееся после смерти Коцеля во власти немцев. Кроме того, в состав Великоморавского княжества Святополка вошли: группа славянских племён по рекам Эльбе, Одеру и Лужице, так называемые лужицкие сербы, затем силезские славяне, северонемецкие словаки и часть галицких славян в Карпатах.

После смерти Святополка внутреннее распри между его сыновьями (Мойширом II и Святоволоком II) повлекли за со-

бой новое вторжение на моравскую территорию немецких захватчиков, предавших её беспощадному грабежу и разорению. Результатом этого было значительное ослабление мощи Великоморавского княжества и его политического авторитета как державы, способной обеспечить входившим в её состав славянским племенам безопасность от немецких нашествий.

Отложившийся, таким образом, от Великоморавского княжества чешский союз племён во главе со своими князьями Смигилевом и Вратиславом принуждён был, однако, признать немецкий протекторат над Чехией. Это несчастье спасло западный участок Великоморавского княжества от другого несчастья, а именно от разгрома его венграми (уграми), что постигло Моравию в 906 г. С вторжением на территорию Великоморавии и разгромом её венграми Великоморавское княжество прекратило своё существование. С этого времени, т. е. с 906 г., словацкий народ оказался отрезанным от чехо-моравских племён и в течение последующей тысячи лет своего существования находился под венгерским игом.

Уцелевшая же от нашествия венгров западная часть Великоморавского княжества — Чехия, или Богемия, — стала естественным политическим центром чехо-моравских племён. Вскоре на смену Великоморавскому княжеству здесь выросло новое государственное объединение, Богемия, или Богемское княжество.

3. БОГЕМСКОЕ КНЯЖЕСТВО (874—1041)

Первым исторически засвидетельствованным князем Богемии (Чехии) был Борнвой, или Бурнвой, из рода Пшемисловичей (874—879). Вместе с женой Людмилей Борнвой первым из чешских князей принял от Мефодия христианство в столице Моравии — Белграде.

При Борнвое Чехия входила в состав Великоморавского княжества, но с 895 г. находилась под протекторатом немецкого короля Арнульфа, которому выплачивала ежегодную дань. При князе Вратиславе (905—921) Чехия отразила венгров, которые пытались подчинить её себе вместе с Моравией. Воспользовавшись внутренними смутами в Германии, Чехия прекратила выплачивать дань, после чего, в 929 г., немецкий король Генрих I вторгся в пределы Чехии, разграбил её, проник до самой Праги, столица Богемского княжества,

и силой заставил чешского князя Вацлава (920—929) выплачивать дань.

Преемник Вацлава Болеслав I (929—967) в течение первых 14 лет своего юнчества вёл упорную борьбу за независимость Чехии с известным погромщиком и палачом полабских и поморских славян, немецким королём Оттоном I (936—973).

В начале XI века при Бжестиславе (1034—1055) Чехия, Моравия и Силезия были объединены в одно мощное государство. Нависшая над этим государством угроза завоевания немецкими варварами вынуждает Бжестислава постоянно быть наготове, чтобы дать нагладому захватчику в любую минуту решительный отпор. В связи с этим у него возникает план создания сильного объединённого славянского государства. Осуществление этого плана, первого у западных славян оборонного панславистского плана, встречает решительное сопротивление со стороны римского папы и германского императора Генриха III. Последний в 1040 г. предпринимает поход против Чехии, закончившийся разгромом немецкой армии при Домажлице в западной Чехии, недалеко от баварской границы. Однако в следующем же, 1041 г. Генрих с новыми силами возобновляет военные действия против Чехии и вынуждает Бжестислава признать зависимость Чехии от Германии.

Таким образом, энергичному Бжестиславу, достигшему значительных успехов в деле внутреннего объединения и стабилизации чешского государства, не удалось обеспечить Чехии политической независимости: она была превращена в Богемское герцогство.

При одном из ближайших преемников Бжестислава, втором из его сыновей, великом князе Вратиславе II (1057—1092), помогавшем в силу своих вассальных обязательств немецкому королю Генриху IV в его внутренней борьбе с германскими князьями и в борьбе с римским папой Григорием VII, к Чехии в 1086 г. была присоединена смежная с Чехией на северо-востоке славянская область родственного чехам народа — лужицких сербов, так называемая Верхняя Лузция, т. е. Верхняя Лужица. Последняя являлась единственным островком, уцелевшим от огромного, некогда западнославянского сербского племени, занимавшего территорию от пограничных с польскими швардом рек Бодры и Гзыды на востоке и вплоть до бассейна притока реки Лабы, Салы (Загла) и далее на западе. Благодаря временному присоединению к Чехии эта маленькая славянская область,

впоследствии вновь отторгнутая немцами от братского чешского народа, сохранила вплоть до наступления в Германию фашизма, т. е. до 30-х годов XX века, свою культурно-национальную самобытность.

В этом же, 1088 г. Вратислав II получил от Генриха IV персонально титул короля, предоставлявший Чехии политическую независимость. Но за преемником Вратислава II этот титул не был сохранён, и Чехия вновь оказалась под игом немецких варваров на положении Богемского герцогства.

Итак, с первых же шагов своего исторического существования, т. е. начиная с VII и вплоть до XII века, народы германской Чехословакии являлись жертвой периодических, из года в год повторявшихся захватнических вторжений, погромов, убийств и грабежей варварских орд немецких хищников-завоевателей. Последние веками держали народы Чехословакии под игом, который мешал их нормальному экономическому развитию и культурному росту и тормозил естественное развитие производительных сил страны. Родственный чехам и моравян братский словацкий народ начиная с X века в течение тысячи лет, вплоть до 1918 г., томился под венгерским игом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Разбойничье нападение немецких хищников на полабских и прибалтийских славян в VIII—XII веках

Когда во власти императора немецкого народа франков, Карла, прозванного Великим (768—814), уже была вся территория нынешней Франции, Бельгии и Голландии, когда в его руках было уже не только все узкое пространство исконно немецких земель между Рейном на западе, Эльбой на востоке и верхним течением Дуная на юге, но также и земли славянского народа словенцев в верхних реках Дравы и Сава, северная и центральная Италия с городом Римом и, наконец, северо-восточный угол Испании до реки Эбро, — завоевывать на Западе ему уже больше было нечего. Жесточайшим террором и насилием этот средневековый варвар-завоеватель создал обширное государство, которое назвал Западноримской империей в противовес Восточноримской империи, как именовалась тогда обширная и мощная

Византийская империя. Восточной границей владений Карла была река Эльба и ее приток Заала, за которыми на восток, упираясь на севере в Балтийское побережье, шли вплоть до реки Вислы обширные пространства богатейших земель по-лабских (т. е. живших по реке Лабэ) и поморских, или прибалтийских, славянских племен, и взоры хищника-завоевателя обратились на это новое открытое перед ним жизненное пространство.

Полабские и прибалтийские славяне жили в это время самоуправляющимися племенными объединениями, во главе которых стояли выборные старшины и князья. Последние состояли у славян на службе на договорных началах и несли обязанности военной охраны племени. В случае внешней опасности отдельные славянские племена объединялись в союзы племен, но централизованной государственности в VIII веке, когда впервые началось наступление на них немецких захватчиков во главе с Карлом, у них еще не было.

Отвращаясь на техническое превосходство своих вооруженных сил и централизованную государственную организацию своей империи, Карл стал завоевывать одно за другим полабские славянские племена под лозунгом приобщения «диких» славян к христианскому просвещению и римско-немецкой цивилизации. Но славянские крестьяне-земледельцы не желали принимать от немецкой варваро-завоевателей ни света христианского просвещения, ни римско-немецкой цивилизации. Они не хотели потерять свою национальную свободу и подчиняться насильно немецким завоевателям, которых, однако, неуклонно влекло сюда обильное плодородие славянских земель и громаднейшее богатство таких славянских городов, как, например, цветущий город Аркона или города Кореница, Волки, Стетин, Канев, Беаград, Старград, Коасберг и др.

В 782—789 гг. Карл начал наступление на славянские племена сербов и лютичей, живших по среднему течению Эльбы. Славяне оказывали наступавшим на них немцам захватчикам героическое сопротивление и наносили немцам тяжелые поражения.

Так Карл начал в конце VIII века хищническое завоевательное движение на славянский Восток (Drang nach Osten).

Дело завоевания славян, начатое Карлом в VIII веке, продолжали его преемники Генрих I в IX веке и особенно Оттон I в X веке (936—973) и др. Почти четыреста лет полабские и поморские (прибалтийские) славяне мужественно отбивались от немецкого меча и креста, борясь с насильниками за свою свободу, национальную культуру и независимость.

Однажды завоеванные, они при первом же удобном случае восставали против своих поработителей и вели с ними упорную борьбу, стоившую немцам неисчислимых жертв, но это не останавливало немецких палачей в их завоевательном движении на славянский Восток.

Хищническое наступление немецких варваров средневековья на славянские народы сопровождалось неслыханными зверствами над славянским населением. В сравнении с этими зверствами бледнеют кровавые набеги Чингисханов, Батыев и других восточных завоевателей. Немецкие орды, вооруженные до зубов, предавали всё на своем пути огню и мечу. При взятии городов они уничтожали всё мужское население, а женщин и детей забирали в рабство. Славянские города и деревни они сжигали. Если же с течением времени этим городам и удавалось оправиться и отстроиться, их вновь подвергали той же участи. В открытых боях безоружные славяне уничтожались тысячами, а густо заселенные славянскими племенами пространства превращались в пустыню. Такому же истреблению подлежал и всякий, отказывавшийся от обращения в христианство. «Там, где жителей не истребляют, их обращают в рабство» (Маркс).

Таким образом, к середине XII века все полабские и поморские славяне были уже порабощены немцами. Немцы-завоеватели проводили по отношению к славянам систему угнетения, в результате которой славянское население в конце концов было денационализировано, т. е. утратило родной язык и национальную культуру и исчезло с этнографической карты Центральной Европы, превратившись в немцев. Обширные области современной Германии — Ольденбург, Мекленбург, Бранденбург и Померания (славянское Поморье), — образующие основную часть территории современного королевства Пруссия, — это некогда славянские области, и коренное население их — это некогда славянское население, не выдержавшее натиска немецких варваро-наследников, завоеванных ими и обращенное ими в немцев.

Когда немецкие фашисты ведут на словах и на преступных, человеконенавидящих и убийственных делах свою наглую пропаганду «чистой арийской» расы немецкого народа, они забывают, помимо всего прочего, что добрую половину, если не три четверти населения современной Германии составляют насильственно германизованные славяне, забывают, между прочим, и то, что эти презираемые ими славяне, народ якобы «низшей» расы, дали современной Германии ряд известных общественных и политических деятелей вроде,

например, пятерых Бюловых, из которых Бернгард Бюлов с 1900 по 1909 г. был талантливым германским имперским канцлером, его брат Альфред Бюлов — германским посланником в Швейцарии, Ганс Бюлов — прусским посланником в Гамбурге, Карл Бюлов — немецким фельдмаршалом. Род Бюловых восходит к XII веку и ведёт своё начало от полабских славян. История Германии знает принца Ратибора-Карла. Имя Ратибора носил когда-то один из городов полабских славян, известный сейчас у немцев под именем Ратцебург. Но немецкий принц до сих пор сохранил старое имя своих славянских предков — Ратибор. Вероятно, славянского происхождения и такие немецкие фамилии, как Сидлов (один из министров торговли), Вирхов (известный немецкий учёный), Йоганн фон Флотов (немецкий дипломат), Тройн (редактор одного из немецких юмористических журналов) и др.

Позднейшими славянскими выходцами на немецкой службе были князь Карл Лихновский (германский посол в Лондоне с 1912 по 1914 г.), Виктор фон Подбельский (с 1897 по 1901 г. — министр почтового ведомства в Германии, а с 1901 по 1906 г. — прусский министр сельского хозяйства), граф Артур Позадонский (с 1893 по 1897 г. — немецкий министр финансов, а с 1897 по 1906 г. — министр внутренних дел) и т. п.

На бывшей некогда обширной славянской территории, составляющей сейчас значительную часть Германии, до наших дней продолжает сохраняться огромное количество старых славянских названий областей, рек и населённых пунктов в позднейшей, германизованной форме. Так, например, соседний с городом Люнебургом район реки Петцель (славянская Писна, Ясна) в бассейне реки Эльбы, где жило славянское племя древяне, или древяне, и сейчас по-немецки называется Дравен и Вендланд, т. е. земля вендов, вендами же немцы называют славян. Название группы славянских племён по юрле отразилось в немецком названии их территории Померания и т. п. Современный немецкий город Любек — это древний славянский Любиче, немецкий Шверин — это славянский Зверин, немецкий Бременбург — это славянский Бранибор, немецкий Росток — это славянский Росток, немецкий Штеттин — это славянский Стетль, немецкий Лейпциг — это славянский Липск, немецкий Хемниц — это славянский Каменец, немецкий Бреслау — это славянский Вратислав и т. д. и т. д.

В результате истребительной антиславянской политики немецких ирраров-завоевателей средневековья массовое славянское население, занимавшее с древнейших времён в

качестве своей исторической родины огромные пространства на запад от Вислы и до левобережья Лабы, где Карлом Великим по соглашению со славянскими племенами была проведена в VIII веке «славянская граница» (limes sorabicus). — к началу XVIII века совершенно исчезло. Каким-то чудом от него уцелели существовавшие ещё в 1933 г., когда гитлеровская партия каннибалов захватила в свои руки власть в Германии, три славянских национальных «островка»: кашубы у дельты Вислы, на левом её побережье, в количестве около 200 тысяч человек, словенцы — на Балтийском побережье, у Лёбского озера, в количестве около 200—250 тысяч человек, и лужицкие сербы, или сербы-лужицкие, в бассейне реки Саревы (немецкая Шпре), притока реки Одры (немецкий Одер), в количестве около 150 тысяч человек.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Борьба болгарского народа с крестоносцами в XI—XII веках

Начиная с конца XI века территория Болгарии становится ареной вторжений, грабежей и насилий со стороны крестоносцев, направившихся с запада к Константинополю, а оттуда в Малую Азию в целях освобождения «гроба господина» от «коварных и неверцев».

В 1096 г. у стен тогда «болгарского города Белград», т. е. Белграда, нынешней многострадальной столицы германского сербского народа в всей Югославии, появилась толпа нищих пилигримов во главе с проповедником Вальтером Нейкшуми, направлявшаяся из Франции на восток через Константинополь. Когда болгарский заместитель Белграда с командантом города отказали пилигримам в разрешении войти в город под предлогом сделать необходимые закупки, пилигримы напали на стада крупного и мелкого скота городских жителей, пасшегося в поле за стенами города. Население с оружием в руках выступило за свой скот. Крестоносцы разбежались, ища себе спасения от преследовавших их болгар. Добравшись после нескольких дней скитания в «болгарских лесах» до очень богатого города Финна, который лежал в центре болгарского царства, предводитель крестоносцев обратился с жалобой на державные им и его спутникам

обиды к местному представителю византийского правительства, дукке Никите. Последний снабдил Вальтера деньгами и оружием и дал ему проводников, чтобы он свободно мог пройти через болгарские города Средец (София), Пловдив (Филиппополь) и Одрин (Адрианополь). В конце концов Вальтер со своим сбродом, пройдя через территорию Болгарии, добрался до стен Константинополя.

Спустя некоторое время на Дунае появилась новая крестоносная армия, обеспеченная, как морской песок, состоявшая из французов, швабов, баварцев и лотарингцев, во главе с Петром Пустышником из Амьена. По дороге на венгерской территории они разграбили город Маления (Землин, сербский Земун). Переправившись через реку Салу, крестоносцы заняли и разграбили город Белград и подошли к Никлу. В Никле они дружелюбно были встречены населением, получили от него на дорогу продукты питания бесплатно, но, уходя из Никлы, сожгли несколько мельниц на реке Нишаве и несколько домов на окраине города.

Вслед за крестоносцами дуккой Никитой была отправлена вооружённая полгочия из местного болгарского населения, составившего пехоту армии Никиты, и конного отряда из печенегов, куманов и мадьяр. Наступившие крестоносцы подверглись уничтожающему разгрому. Никита задержал стада и весь обоз крестоносцев, а женщин, девушек и мужскую молодежь увёл в плен. Когда весть о разгроме арьергарда крестоносцев дошла до вождя ополчения Петра Амьенского, он признал, что виновниками этого несчастья являются «некстати бессмысленных немцев» в его армии, которые на миролюбивое отношение к ним со стороны горожан ответили буйством. В связи с этим Пётр на созванном им совете цинии предложил вернуться в Ницу, принести местнику извинение за себя и за своих спутников, заключить с ними мир и тем самым освободить пленников. Так и было сделано. Но когда крестоносцы подошли к Никлу в расположились лагерем на лугу на реке Нишаве, тысячная толпа буйной крестоносной молодежи с гитом и руганью повала на стражу у городских ворот. Болгары в большом количестве вышли из города, отогнали буйствующих крестоносцев и многих из них перебили во время их бегства через реку Нишаву.

Эта стычка у городских ворот вызвала вмешательство других крестоносцев, подошедших на помощь своим товарищам. Между болгарами и крестоносцами завязался «страшный бой», в котором крестоносцы были совершенно разбиты и обречены в бегство. Тем не менее, Пётр Амьенский и при этих печальных обстоятельствах не терял надежды уладить

конфликт мирным путём и вступил в переговоры с заместителем. Но не успели ещё закончиться переговоры, как крестоносцы, погнанные полученные обратно от заместителя Никиты позовы, двинулись в дорогу. Горожане и сам заместитель истолковали это поведение крестоносцев как коварную уловку, рассчитанную на то, чтобы избежать заключения каких бы то ни было обязательств по договору, и немедленно же вслед за крестоносцами была отправлена конница, которая настигла их, избивла множество народа и захватила в плен много крестоносцев, а также и богатую военную добычу, среди которой оказались и повозка с казной Петра Амьенского. Сам Пётр и некоторые вожди, которым удалось спастись от погрома, рассыпались в разные стороны и скитались среди непроходимых болгарских лесов. Когда, наконец, крестоносцам удалось вновь собраться вместе, оказалось, что от 40-тысячной крестоносной армии уцелело только 30 тысяч. С этой значительно потрепанной болгарами армией «крестоносный сволочья» Пётр Амьенский с разрешения византийского правительства направлялся к столице империи Константинополю, задерживаясь по пути в городах для закусок не более трёх дней.

1 августа 1096 г. Пётр достиг стен столицы, встретился там с Вальтером и его спутниками, а через пять дней весь крестоносный «сброд» был переправлен византийским правительством в Малую Азию, где и погиб в первых же сражениях с турками.

Вслед за крестоносными толпами Вальтера Неммучо и Петра Амьенского на территории Болгарии вскоре появились новые крестоносные войска, под предводительством герцога Готфрида Лотарингского. Они прошли через болгарскую территорию, не причинив болгарскому народу существенного вреда, и стали грабить население только после того, как расположились лагерем у стен Константинополя, что привело крестоносцев к вооружённому столкновению с византийцами.

На помощь Готфриду Лотарингскому поспешали из Апулии (дого-восточная Италия) норманны во главе с Боэмундом Тарентским. Высадившись с 10-тысячной армией осенью 1096 г. в Дурацио и пройдя Эпир, Боэмунд подошёл к болгарской крепости Костур, где его войска грабят окрестное население и угоняли скот. Не добившись сдачи крепости Боэмунд отступил и вторгся в македонскую область Пелагоино (Битола), где его войска разграбили и сожгли какое-то болгарское село или город, жители которого были «еретиками» (очевидно, богомилы. — Н. Д.), и с награбленной добычей

двинулся дальше к Константинополю, где встретился с Готфридом Лотарингским.

Вслед за Возмундом по тому же пути и в том же 1096 г. через юго-западные районы болгарской территории прошёл пятый крестоносный отряд, во главе с тулузским графом Раймондом. Византийское наёмное войско, в состав которого входили турки, куманы, печенег и болгары, держало под своим контролем армию Раймонда и не позволяло никому из крестоносцев отклониться в сторону от пути, а в случае, если крестоносцы пытались проявить в этом смысле какие-либо попытки, византийские войска и местное славянское население поддерживали крестоносцев избиению, причём эти стычки с крестоносцами нередко принимали характер подлинных сражений.

В следующем, 1097 г. тем же путём через болгарскую территорию прошли, направляясь к Константинополю, отряды крестоносцев герцога Роберта Нормандского и его зятя графа Стефана Шартрского. После заключения договора с Алексеем I Комнином все собравшиеся у стен Константинополя отряды крестоносцев были переправлены византийским правительством через Восток в Малую Азию.

В XII веке на северо-западной границе Византийской империи вырастает мощное венгерское королевство (Владислав I, прозванный Святым, 1077—1095, и Коломан, 1095—1114), которое захватывает в свои хищные лапы славянские земли на Балканском полуострове — Хорватию, Славонию и Далмацию — и тем самым в 1128 г., при сыне Коломана Стефане II (1114—1134), вступает в военный конфликт с Византией. Венгры вторгаются на болгарскую территорию и в успешных битвах с византийцами захватывают Белград, Браничево, Софию и подходят вплотную к Пловдиву. В 1129 г. византийское правительство заключает с венграми мир, но вскоре после мадьярского нашествия территория Болгарии становится ареной второго крестового похода (1147—1149), во главе с германским императором Конрадом III Швабским Гогенштауфеном (1138—1152) и французским королём Людовиком VII (1137—1180). Движение этой «крестоносной сволочи» через болгарскую территорию сопровождалось такими же насилиями и грабежом мирного населения, как и движение её предшественников.

Вслед за крестоносцами весной 1148 г. беззащитный болгарский народ, томившийся с 1018 г. под византийским игом, становится жертвой вторжения на его территорию из-за Дуная куманов — половцев, которые подвергают всю страну разгрому и с огромной шатраблиной добычей уходят обратно за Дунай, где их настигает византийский император Мануил I и вблизи южной границы Галицкого княжества наносит их ордам тяжёлое поражение. Однако и после этого куманские разбойничьи вторжения на болгарскую территорию не прекращаются и повторяются затем в 1151, 1156 и 1159 гг.

Начало правления содателя второго независимого болгарского царства (1187—1396), болгарского царя Асеня I Старого (1187—1195), совпадает с третьим крестовым походом, организованным римским папой в связи с завоеванием в 1187 г. Иерусалимского королевства властителем Египта, султаном Саладином. В этом крестовом походе принимал участие три западноевропейских феодальных государства: Франция во главе с королём Филиппом II Августом, Англия во главе с Ричардом I Львиное сердце и Германия во главе с Фридрихом I Барбароссой.

Французские и английские крестоносные войска отправились на Восток через Сицилию, а германские войска с Фридрихом Барбароссой направлялись к своей цели через Венгрию и Балканский полуостров.

Византийское правительство во главе с Исааком Ангелом хотя и обязалось по договору оказывать содействие крестоносцам Фридриха, но вообще относилось к этому походу недружелюбно и вступило в соглашение с Саладином, в силу которого обязалось задерживать продвижение вперёд армии Фридриха. Поэтому с момента вступления крестоносцев на византийскую территорию византийские войска не только не оказывали им по пути к Константинополю никакого содействия, но постоянно тревожили их своими нападениями, в результате чего крестоносцы стали бесцельно грабить на болгарской территории все города и сёла, попадавшиеся им по пути.

Весной 1190 г. крестоносцы были переправлены византийским правительством Исаака Ангела на судах в Малую Азию, где по пути к границам Армении Фридрих Барбаросса утонул в реке, а его армия после этого разбежалась.

Борьба русского народа с немецкими захватчиками в XIII—XV веках

*

1. ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ 5 АПРЕЛЯ 1202 Г.

Первое известное нападение немцев на восточном Балтийском побережье относится к XII веку. Это были немецкие купцы, прочно осевшие в устье Западной Двины и основавшие здесь свои торговые фактории. Отсюда они начинают просачиваться на восток и проникать со своими товарами в Полоцк и Смоленск. Вслед за купцами вскоре сюда являлись немецкие католические миссионеры, но сразу же встречают враждебное к себе отношение со стороны местного населения — латышей и ливов, не желавших, по характеристике Маркса, принимать цивилизацию «немецких варваров-болванов». Тогда на помощь кресту в 1200 г. сюда же впервые является меч в лице немецких рыцарей-крестоносцев, которые в качестве опорного пункта для своей рыцарско-католической агрессии построили в устье Западной Двины в 1202 г. город Ригу. Захват немецкими рыцарями устья Двины лишил Полоцк возможности непосредственных связей с крупнейшим тогда на Балтийском море центром западноевропейской торговли, каким был город Висби на острове Готланде.

В том же 1202 г. в Прибалтике было организовано военно-монашеское общество «братств христиан», или Орден меченосцев, известный под именем Ливонского ордена. Основой задачей этой конституирующей организации было просвещение народа ливов (литовцев) словом проповеди и участием в крещении. Однако народ прекрасно понимал, что за этими лозунгами в действительности скрывалось завоевание ливов, что и случилось в 1208 г., когда ливы были завоеваны немецкими рыцарями и превращены в крепостных немецких баронов и помещиков, несмотря на оказанное ими мужественному населению упорное сопротивление.

После завоевания ливов немецкие рыцари повели наступление на их соседей с севера, на эстов, в 1228 г. силой меча сломали их упорное сопротивление и подчинили своей власти.

Таким образом, мы видим, что рыцари-завоеватели предвигались вперед на восток, истребляя, покоряя и грабя каждый

народ в отдельности. По поводу этого метода завоевания Маркс в «Хронологических записках» написал следующее: «Если бы эти племена (т. е. литовцы, ливы и эсты. — Н. Д.) были единодушны, то христианско-германская скотская культура была бы вышвырнута вон»¹.

Укрепившись в Прибалтике, немецкие рыцари стали угрожать агрессивней Полоцкому и Новгородскому княжествам. Завоевание рыцарями земли эстов (чудь) и агрессивные устремления их на восток, за пределы Чудского озера к реке Великой, на Новгородскую землю, привели рыцарей к столкновению с Новгородом и Псковом, и в 1214 г. начинается длительная, напряженная и непрерывная борьба новгородцев и псковичей против рыцарских вторжений и грабежей, которая заканчивается в 1242 г. катастрофическим поражением рыцарей на льду Чудского озера.

История борьбы новгородцев и псковичей с наступавшими на русскую землю в XIII веке немецкими захватчиками отмечена целым рядом блестящих страниц подлинного народного самоотвержения и героизма. К числу таких страниц принадлежит, например, отважная борьба русского народа с немецкими рыцарями в 1224 г. за город Юрьев, когда все население осажденного несцами города во главе с князем Вячко было поголовно вырезано христиалюбивыми братьями. После этого город Юрьев, современный эстонский Тарту, был переименован немцами в Дорпат (Дерпт).

К числу таких же страниц относится и героическая борьба псковичей за город Изборск, захваченный немецкими рыцарями, когда засаженный в городе немецкий гарнизон целиком был взят псковичами в плен.

Новгородцы нередко были немецким «крестоносцев-рыцарей на захваченной ими эстонской территории, как это имело место, например, в 1234 г., когда новгородский князь Ярослав в Всеволодович предпринял поход в Эстонию против рыцарей, подверг их жестокому разгрому и заставил заключить мир.

Стойкий и мужественный отпор, который дал войскам ливонской «крестоносной сводии» русский народ, вынудил вожakov Ливонского ордена обратиться за помощью к рыцарям Тевтонского ордена, которые прибыли в Прибалтику из Палестины на основании договора с папой от 1226 г. для покорения литовского племени пруссов. Обосновавшись здесь на территории Кульмской земли (нынешняя Восточная Пруссия), теutonиды системой жестоких насилиев над прусским

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 311.

народом, массовым его истреблением и обращением оставшихся в живых в рабство насаждали среди пруссов христианство, и в течение не более полувека упорной борьбы и отчаянного сопротивления пруссы были завоеваны и постепенно уничтожены немцами.

В 1234 г., после катастрофического поражения, в котором литовцы, по выражению Маркса, «краткосрочно сволокли... этих псов жестоко отдули», — Ливонский и Тевтонский ордены, ввиду намечавшегося «вмешательства объединённых сил» на русских, слились в одну организацию под именем Тевтонского (т. е. немецкого) ордена.

Как Орден меченосцев, или Ливонский орден, так и Тевтонский орден по своему характеру и социальному составу своих членов представляли воинствующие организации немецких феодалов-квандристов, т. е. хорошо вооружённые банды разбойников, для которых по разным причинам на родные им оказалось достаточного материального обеспечения в виде земли и крепостных крестьян для безбедного и сытого существования и которые направлялись поэтому в Прибалтику для захвата земель и грабежа местного населения. После завоевания этого населения рыцарями оно утрачивало свою национальную независимость и свободу и превращалось в данников, крепостных и рабов немецких феодалов. «Для обременённого долгами голодного немецкого рыцарства, — замечивает Маркс в «Хронологических выписках», — это занятие было гораздо более удобным, чем опротивевшее ему дело в святой земле»¹.

После знаменитой Невской победы над шведами 15 июля 1240 г. новгородский князь Александр Ярославич в результате разногласий между ним и новгородскими феодалами недоразумений покинул Новгород и занял княжеский стол в Переяславле, на северо-востоке Руси. Этим решился воспользоваться немецкие рыцари, чтобы захватить в свои руки Псков, и взяли штурмом пограничный город Изборск, перебив всё его население.

Спасая родную от наступающего врага, покинув поспешно на помощь Изборску и всем народом выступили в поход против рыцарей, но потерпели поражение. Ободренные этим успехом, рыцари осадили Псков и стали грабить окрестное население. Мощные стены славянского Пскова выдержали, однако, бешеное нападение немецких параваров, так что взять город штурмом не удалось. Пришлось начать переговоры. Среди псковичей оказалась влиятельная группа предателей во главе

с Твердилой Иванковичем, которая повела дело так, что Псков добровольно сдался врагу. Вступив в город, немецкие рыцари стали беспощадно расправляться с населением.

Покончив с Псковом, немецкие захватчики вторглись в Новгородскую землю и стали опустошать страну. В 1240—1241 гг. они разбойнически заняли ряд новгородских пригородов — Лугу, Тесово, Копорье — и подошли к Новгороду. В эти тяжёлые минуты новгородцы обратились за помощью к Александру Ярославичу Невскому, который немедленно лично откликнулся на призыв новгородцев, явился в Новгород, очистил страну от захватчиков и многих вывел в плен.

Псков и Псковская земля в это время ещё находились во власти немецких рыцарей. При поддержке воиска своего брата Андрея Александр Ярославич в 1242 г. неожиданным ударом взял Псков, захватил в плен множество рыцарей-бандитов, творивших зверские насилия над псковским населением, быстро затем очистил от немцев всю Псковскую землю и, преследуя по пятам врага, вторгся со своими псковичами, новгородцами и судальцами во владения рыцарского ордена.

Рыцари мобилизовали против русских огромные, хорошо вооружённые, одетые с ног до головы в железные латы войска. В латы были одеты и их кони. Встреча русских с немецкими рыцарями произошла 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера. Рыцари были вооружены длинными мечами, железными булавами с шипами, железными копиями. Дружинники Александра Ярославича были вооружены пёсочной прощью, а русские народное ополчение, принимавшее участие в этой битве с немцами и поддерживавшее страдами карелов и псков, было вооружено дубинами, рогатинами, топорами и крочьями; последние дружинники стаскивали с копей тяжело вооружённых рыцарей и убивали их на льду. Такалливый полководец и острый стратег, Александр Ярославич Невский хорошо знал военную тактику своего врага. Он знал, что рыцари обыкновенно стремятся вклиниться в армяво своего противника строем, который был тогда назывался под названием «свиная». Этот строй представлял собой треугольник, обращённый вершиной к фронту противника. Все внимание рыцарского командования было направлено на то, чтобы максимально укрепить верхушку треугольника. Эта верхушка фронтовым ударом вклинивалась в ряды противника, раскалывала их на две части, и потом немцы добивали разбегившие войска своими фланговыми соединениями.

Александр Ярославич Невский построил свой план атаки рыцарской армии, исходя из учёта этой тактики противника, и сильно укрепленной атакующей верхушке немецкой «свиной»

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 342.

противостояли: древнерусский военный строй, имевший в центральной части фронте сравнительно слабую передовую линию, но мощный тыл. Одновременно Александр укрепил фланги и, кроме того, держал в засаде, под прикрытием, особый отборный отряд, который взял под свое личное командование. Таким образом, немцы легко проникали в русские ряды, но прорвать их все же не смогли, а в это время на них ударили мощные фланговые части и взяли армию рыцарей в клещи. В самом разгаре боя Александр Ярославич с отборным отрядом ударил на рыцарей с тыла, и к концу дня исход битвы был решен: рыцари были разбиты наголову. На протяжении семи верст ледовая поверхность Чудского озера была усеяна трупами убитых рыцарей (600 человек). Кроме того, многие рыцари вместе с лошадьми от своей тяжести проваливались под лёд и нашли себе могилу на дне озера. Вспомогательных войск рыцарской армии было уничтожено в этом сражении огромное количество, во выражении летописца, «без числа». Пятьдесят рыцарей было взято в плен. Вступая после победы на Чудском озере в Пеков, встречавший победителя с огромным торжеством и ликованием, Александр Ярославич вёл с собой пленных рыцарей.

Славная победа Александра Ярославича Неваго над рыцарями на льду Чудского озера решительной и надолго отбросила немецких «ворочивов» от русской границы.

2. РАЗГРОМ НЕМЕЦКИХ «ПСОВ-РЫЦАРЕЙ» У ГРЮНВАЛЬДА И ТАННЕНБЕРГА 15 ИЮЛЯ 1410 Г. ОБЪЕДИНЕННЫМИ СИЛАМИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

В начале XV века нажим на Литву и Польшу немецких рыцарей с Прибалтийского побережья усиливается и приобретает угрожающий характер. 15 июля 1410 г. между объединёнными войсками литовского великого князя Витовта и польского короля Ягелло, с одной стороны, и войсками Тевтонского рыцарского ордена — с другой — произошла на правом берегу нижней Вислы, в нынешней Восточной Пруссии, у Грюнвальда и Танненберга, на юг от Мариенбурга, знаменитая Грюнвальдская битва, в которой, кроме польских, чешских и литовских войск, приняли активное и решающее участие украинские, белорусские и русские войска, стянутые литовско-русским князем Витовтом со всех русских областей: Смоленска, Витебска, Брянска, Стародуба, Владимира и других городов. Соперники одержали блестящую победу над рыцарями.

Рыцари в этом сражении располагали армией в 80 тысяч человек и в начале сражения стали сильно теснить польские и литовские войска Витовта, серьёзно угрожал им поражение. Уже правое крыло армии Витовта под натиском рыцарей бросилось в бегство. Нанегиалась неизбежная, казалась, катастрофа для Польши и Литвы.

В этот критический момент в бой вступили русские смоленские войска под предводительством своего князя Юрия. Мужественно и стойко приняв на себя удары рыцарской армии, русские дали возможность Витовту собраться с силами, и рыцари потерпели огромное поражение, решающую роль в котором сыграли русские войска.

В результате этого поражения рыцари потеряли, как было отмечено выше, до 40 тысяч убитыми и до 15 тысяч взятыми в плен. В битве погиб и глава (магистр) прусского ордена Ульрих фон Юнгинген. Битва закончилась миром, который был заключён между Витовтом и орденом в городе Торне в 1411 г.

В результате этой знаменитой в истории славянских народов Грюнвальдской победы, знаменитой в том отношении, что сильная немецкая армия была уничтожена объединёнными силами славянских народов, литовский народ жмудь был освобождён от пещицеской власти немецких рыцарей и воссоединён с прочими братскими литовскими племенами под властью Витовта. Кроме того, грюнвальдское поражение отразилось и на экономическом положении ордена: рыцари вынуждены были снизить таможенные пошлины на товары литовского и русского происхождения, что вызвало оживление литовской и русской торговли по Неману и Западной Двине.

Таким образом, в 1410 г. русский народ в союзе с другими славянскими народами не только разбил немецких «псов-рыцарей», угрожавших захватом польской и литовской территорий, но и дал немцам и варварам решительный отпор в их захватническом продвижении на восток. Это была последняя попытка средневековых немецких варваров проложить себе силой огня и меча широкую дорогу на Восток, на территорию русского народа.

Борьба чешского народа с австрийскими немцами в XIV—XVIII веках

После смерти в 1092 г. чешского короля Братислава II немцы захватили вновь сложивший свою кровную дагу на чешский народ, лишив его политической самостоятельности и восстановили Богемское герцогство. Тем не менее, несмотря на пережитые в течение ряда веков испытания и насилие со стороны немецких варваров, чехо-моравский народ в непрерывной и упорной борьбе с немцами постепенно собирается с силами, растет и крепнет экономически, культурно и политически, и в XIV веке, при знаменитом в истории чешского народа короле Карле IV Люксембургском (1346—1378), независимая Чехия вырастает в мощное европейское государство и занимает в жизни европейских народов ведущее место как политический и культурный центр.

В связи с возникшими в Германии спорами из-за престола чешский князь Пшемисл Оттокар I (1197—1230) использовал в своих государственных интересах выгодно сложившуюся международную обстановку. Он добился признания за собой римским папой королевского достоинства, которое было подтверждено затем в 1212 г. германским королем и императором Священной Римской империи, как титуловался в это время германские короли, Фридрихом II Гогенштауфеном в специальной так называемой сицилийской «золотой булле» на имя Оттокара. Этой же буллой были определены и отношения Богемского королевства к Германской империи. Зависимость Богемии от Германской империи хотя ещё и сохранялась, но носила уже чисто формальный характер. В результате успешной внешней политики Оттокара I Богемия укрепила своё внешнее и внутреннее положение и выросла в крупное европейское средневековое государство, экономическое и политическое влияние которого стало чувствоваться во всей Европе.

При шукре Оттокара I Пшемисла Оттокаре II (1253—1278) Богемское королевство включало в свой состав всю Австрию и занимало территорию от Исповицных гор на севере до Адриатического моря на юге. Богатство производительных сил страны, плодородие почвы и экономические мероприятия Оттокара II привлекают в Чехию огромное ко-

личество немецких колонистов. Блеск и роскошь королевского двора в Праге затмевают все прочие европейские дворы. Знаменитый итальянский патрист и один из величайших мировых поэтов Данте Алигьери (1265—1321) возлагает свои надежды на освобождение Италии от немцев на чешского короля. Однако всё это не спасло Чехию (Богемию) от захватнических притязаний немецких варваров. В 1278 г. армия Пшемисла Оттокара II была разбита германскими полками Рудольфа Габсбургского, в результате чего Чехия лишилась австрийских земель, перешедших к этому времени во владение Габсбургов, и вновь подпала под немецкое иго, но вскоре была освобождена от него сыном Оттокара II Вацлавом II (1278—1305).

Тааланливый организатор и дальновидный политик, Вацлав II рядом мероприятий по разработке ископаемых богатств страны значительно укрепляет её экономическое положение. Одновременно он предпринимает дипломатические шаги во Францию, с тем чтобы союзом с Францией обеспечить Чехию от дальнейших посягательств на её территорию со стороны немецких захватчиков. Вместе с тем он возвращается к плану Бжегислава Чешского (XI век), стремился создать из Польши, Венгрии и Чехии, объединенных в руках чешского короля, средневропейскую державу, которая являлась бы оплотом против захватнических устремлений немецких императоров. Однако этим планам Вацлава II не удалось осуществиться ввиду его преждевременной смерти от руки убийцы.

Со смертью Вацлава II прекратилась чешская династия Пшемисла, престол перешёл к зятю Вацлава, сыну Генриха VII, графа Люксембургского, Иоганну Люксембургскому (1310—1346), женатому на дочери Вацлава Елизавете.

С защитой чешского престола Люксембургской династией Чехия вступает в тесное общение с Францией, что наносит серьёзный удар возобладавшему в Чехии немецкому влиянию, грозившему чешскому народу германизацией и девиционализацией.

Наивысшего расцвета независимая Чехия достигает при сыне Иоганна Люксембургского, знаменитом чешском короле Карле IV Вацлаве (1346—1378), получившем воспитание и образование в Париже.

Чешский король Карл IV был вместе с тем и императором Священной Римской империи, т. е. германским императором. С именем Карла IV в истории Чехии связывается целый ряд чешских и культурных мероприятий, как, например, развитие горнодобывающей промышленности и земледелия, уста-

зование судоходства по реке Влтаве, постройка в столице Чехии Праге нового кремля Грдацкы, разграбленного сейчас гитлеровскими бандитами, постройка великолепного каменного моста через Влтаву, известного под именем «Карлов мост», который и сейчас, на седьмом столетии своего существования, так же прекрасно обслуживает население столицы, как обслуживал его и раньше, шестьсот лет тому назад. Карлу IV принадлежит основание в Праге в 1348 г. первого в Средней Европе университета, организованного по образцу Парижского университета. В Германии в это время ни одного университета ещё не было. Благодаря культурным мероприятиям Карла IV Прага стала рассадником искусства, литературы и науки для всей Центральной Европы. Вместе с тем путём целого ряда мероприятий в области внутренней и внешней политики Карл IV не только обеспечивает политическую независимость своего государства, но и параллельно на ближайшее время возможность вмешательства немецких захватчиков во внутреннюю жизнь Чешского королевства. Одновременно с этим, как германский император, он предоставляет королям Богемии (Чехии) право участвовать на правах курфюрста в выборах германских императоров. Основанием же пражского архиепископства Карл IV сделал Чехию независимой от Германской империи и в церковном отношении.

Под влиянием широкой культурно-просветительной деятельности Карла IV чешский народ выдвигает из своей среды целый ряд выдающихся общественных деятелей, учёных и писателей (Конрад Валдгаузер, Ян Милли, Фома Штинный, Матвей из Янова и др.), которые явились предшественниками выдающегося чешского реформатора, профессора Пражского университета, Яна Гуса (1389—1415), сожженного на костре в Констанце за свои убеждения.

Деятельность Яна Гуса в Чехии падает на время правления сына Карла IV, Владлава IV (1378—1419), короля Чехии и императора Германии. В своей внутренней политике Вацлав IV поддерживал народ в его борьбе с римскими папами, вел борьбу с реакционным духовенством, поддерживал Гуса и гуситов, чем навлек на себя неудовольствие высших органов церковного управления (римская курия) и подвергся угрозе лишения чешского престола.

Ян Гус своей писательской и проповеднической деятельностью содействовал укреплению культурной самобытности чешского народа, поднятию его общественно-политического и культурно-национального сознания и заложил основы огромного социально-демократического движения в Чехии. В исто-

рии чешского народа это широкое народное движение образует блестящий гуситский период, отмеченный гуситскими войнами под предводительством знаменитых народных вождей, Яна Жижки и Прокоспа Голого.

Гуситское движение (1420—1432), носившее характер массового народного восстания против эксплуататоров и насильников — папов и феодалов, вооружено против чешского народа феодальные верхи всей Европы, отставившей на ликвидацию восстания свои полки. Хотя чешский народ в этой борьбе и не победил, тем не менее он значительно вырос в культурно-национальном отношении и освободился от германизации страны немецкими колонистами.

Гуситское движение приводит чешский народ к разрыву с римским папством и к изоляции Чехии в среде католических держав. Попытки короля Юрия из Подебрада (1458—1471) наладить нормальные взаимоотношения с Римом не дали положительных результатов. По совету Юрия, данному им перед кончиной, на чешский престол были посажены католики Ягеллоны. Владислав II (1471—1516), а после него Людовик (1516—1526).

Правление Ягеллонов в Чехии привело к экономическому усилению дворянства за счёт отчуждения церковных имуществ, к захвату дворянством ведущей роли в государстве и к новому захвату освобождённого гуситскими войнами крестьянства.

После гибели короля Людовика Ягеллова в 1526 г. в битве с турками при Могаче на чешский престол был избран австрийский эрцгерцог Фердинанд Габсбургский (1526—1564). При нём чешский народ вновь подпадает под власть немцев, а вместо Праги политический центр переносится в Вену.

При Фердинанде I Габсбургском Чехия теряет какую бы то ни было самостоятельность в административном руководстве и включается в общую систему внутренней и внешней политики австрийских Габсбургов, что быстро приводит к обострению отношений между наглым немецким узурпатором и чешским народом. Политика насилия над чешским народом со стороны австрийских Габсбургов вызывает в 1547 г. первое восстание чешского народа против немецких варваров.

В 1618 г. чешский народ вновь восстал против своих угнетателей. Это восстание было подавлено Габсбургами в битве у Белой Горы, вслед за чем последовала жестокая кровавая расправа немецких жидиков в лице Фердинанда II (1619—1637) над чешским народом. В результате этой расправы Богемское королевство превратилось в завоеванную

габсбургскими немцами колонно. Лучшие люди чешского народа во главе с знаменитым учёным и педагогом гуманистом Яном Амосом Коменским (1592—1670) уходят в изгнание. Великий педагог, насильственно обречённый на тяжёлую скитальческую жизнь за пределами родной родины, растёрзанной немцами, плёт с чужбины завещание грядущим поколениям чешского народа продолжать неустанно освободительную войну с кровавыми насильниками до победного конца.

Под разобщённым управлением немецких варваров некогда цветущая Чехия приходит в полный упадок. Чешский язык изгоняется из церквей, школ и учреждений. Высшие круги чешского дворянства и горожан быстро германизируются, отходят от родного народа и забывают свой родной язык, который, однако, продолжает жить в массах порабождённого и угнетённого народа; книга на чешском языке становится редкостью. Поднявшийся в течение предшествовавших трёх столетий до вершин общевропейской культурной державы, героический чешский народ обрекается немецкими варварами на гибель и забвение.

Политика централизации, усвоенная австрийским Габсбургством Марии-Терезии (1740—1780) в XVIII веке по отношению к подвластным империи народам, приводит Чехию к королевству к германизации. Чехия, вновь вводившая массами немецких колонистов, превращается в одну из провинций габсбургской бюрократической монархии, лишается каких бы то ни было национальных прав и привилегий, вытекающих из местных своеобразных особенностей истории, культуры и быта чешского народа, и временно исчезает с карты Европы.

Однако, невзирая на самые решительные меры германизации страны и денационализации народа со стороны австрийских узурпаторов, великий чешский народ в героической и упорной борьбе с величайшим мужеством перенёс все испытания трёхсотлетнего немецкого ига, сохранил свой родной язык, свои славные исторические традиции и свою национальную культуру. Под руководством наиболее передовых элементов своей молодёжи, поднимавшейся с конца XVIII века демократической общественности чешский народ начал организованную национально-освободительную борьбу со своим вековым врагом.

Борьба эта продолжалась свыше ста лет и закончилась в 1918 г. революцией, которая освободила чешский народ от габсбургского ига и привела к созданию независимой демократической республики Чехословакии во главе с пре-

зидентом Т. Масариком, которому принадлежала крупнейшая роль вдохновителя и руководителя национально-освободительного движения чешского народа против габсбургского ига и создателя независимой чехословацкой государственности.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Разгром русскими войсками в Семилетнюю войну (1756—1763) «непобедимой» армии Фридриха II Великого и взятие Берлина

В 1740 г. на прусский королевский престол вступил Фридрих II, прославивший Великим (1740—1786), один из крупнейших тогда в Европе государственных деятелей, игравший ведущую роль в международной политике.

Наделённый незаурядным талантом организатора, Фридрих II пользовался у своих современников на Западе репутацией первоклассного полководца, до тех пор пока русская армия своими победами не нанесла решительного удара славе «непобедимости» его армии.

С именем Фридриха II связана, в частности, организация в 1785 г. Союз германских князей, представлявшего собой первый в истории Германии опыт объединения её владений под германской Пруссией. С именем Фридриха II связаны также две агрессивно-захватнические войны: война 1740—1748 гг., известная в истории под названием «войны за австрийское наследство», и так называемая Семилетняя война 1756—1763 гг., которую Фридрих вёл в союзе с Англией против коалиции европейских держав в составе Австрии, Саксонии, России, Франции и Швеции.

Основные политические устремления прусского короля были направлены прежде всего к территориальному расширению Пруссии путём насильственных захватов соседних земель Австрии и Польши и к превращению таким путём королевства Пруссия в мощную военно-феодалную державу.

Начав в 1756 г. на Австрию, Фридрих II отнял у Габсбургов Силезию и присоединил её к своим владениям. Это был первый насильственный захват пруссаками чужой территории. Впоследствии таким же насильственным путём Фридрих II

захвати польскую территорию в бассейне нижнего течения реки Вислы, что с одной стороны, привело к территориальному объединению двух разобщённых Польским коридором германских провинций — Бранденбурга и Восточной Пруссии, — во, с другой стороны, нанесло существенный удар по экономике Польши и привело к политическому ослаблению её и первому разделу в 1772 г.

Захват Силезии в результате влиятельной Фридрихом австрийским Габсбургам войны 1756—1763 гг. привёл Пруссию к значительному территориальному расширению, поднял её на высоту великой европейской державы и ещё больше содействовал росту захватнических аппетитов у прусского короля.

Агрессивные военные планы Фридриха II не составляли, однако, дипломатической тайны и уже до начала войны 1756—1763 гг. стали принимать явно угрожающий характер для соседних держав, в том числе и для России, у которой Фридрих II решил отнять все её гавани и тем самым лишить Россию морской базы и закрыть её «окно в Европу». В результате создавшегося угрожающего для интересов России положения вещей на международном фронте русское правительство в мае 1753 г. решило озаботиться своевременным принятием необходимых мер обороны, и с этой целью Россия примкнула к антипрусской коалиции европейских держав во главе с Австрией и Саксонией. Эта коалиция ставила своей задачей нанести удар Пруссии и тем самым парализовать её захватнические устремления. Специально русские интересы в этой войне европейских держав против прусского захватчика сводились к обеспечению западных границ путём присоединения к России Курляндии с её незамерзающими портами и к воссоединению с Россией белорусских земель.

Военные действия открыл Фридрих II и начал их так же, как ведёт их сейчас и Гитлер: он предъявил Саксонии ультимативное требование о пропуске прусских войск через её территорию на территорию Чехии, входившей тогда в состав владений австрийских Габсбургов. Несмотря на то что саксонское правительство, уступая силе, дало на это своё согласие, Фридрих II оккупировал своими войсками прежде всего Саксонию.

Наёмная армия Фридриха II состояла из 128 тысяч человек. Хорошо обученная и технически оснащённая, она была построена на основах суровой, железной дисциплины и представляла собой самую крупную военную силу в тогдашней феодальной Европе. Встреча с такой армией на поле битвы требовала от армии любой обороняющейся стороны не только высокого военного мастерства, но только исключитель-

ного напряжения сил, но и героизма. Эти качества в Семилетней войне прекрасно показал русский народ: железной дисциплине прусского наёмного солдата русская армия противопоставила свой боевой опыт, выдержку, организованность, меткость огня и высокие моральные качества. Русской армии принадлежала главная и решающая победная роль в крупнейших событиях Семилетней войны. Целый ряд катастрофических поражений, нанесённых русскими войсками прусского короля, покрыл неуязвимой славой русское оружие и разрушил усердно раздувавшуюся трусливыми вассалами и агентами прусского короля легенду о непобедимости армии Фридриха II.

29 августа 1756 г. Фридрих II со своими пруссаками в количестве 67 тысяч вероломно вторгся на территорию Саксонии, заняв её своими войсками, а 13 сентября того же года уже громя Австрию.

Главкомандующим русской армией в этой оборонительной для русского народа войне был назначен генерал-фельдмаршал граф Апраксин, который, однако, не торопился с выступлением, ввиду чего русская армия только в конце апреля или в самом начале мая 1757 г. заняла Литву и переправилась через Неман, 2 июля вступила на территорию Восточной Пруссии, где заняла прусскую крепость Мемель. Переправившись затем через реку Прегель, 27 августа русские войска впервые встретились лицом к лицу с главными силами противника, которыми командовал прусский фельдмаршал Левальдт.

Первое сражение русских с немцами произошло 30 августа 1757 г. у деревни Гросс-Егерсдорф. Образцовая и самая сильная в Европе армия пруссаков не выдержала, однако, героизма и стойкости русского солдата, была разбита наголову и бежала в паническом страхе с поля битвы.

Царское командование, однако, оказалось не на высоте героизма русского солдата. Апраксин не сумел использовать победы и, вместо того чтобы энергичным преследованием уничтожить живую силу противника, отступил к литовской границе. Этим прекрасно воспользовался Фридрих II и, перебросив свои силы на западный фронт, стал наносить удары союзным, австрийским и французским, войскам.

Грубейшая тактическая ошибка Апраксина получила надлежащее возмездие. Он был снят русским правительством с поста главнокомандующего и заменён генерал-аншефом Фермором, которому было поручено оккупировать Восточную Пруссию и взять её главный город Кёнигсберг. В январе 1758 г. Кёнигсберг сдался русским войскам без боя.

Блестяще исполнив задание верховного командования, русская армия продвигалась из Восточной Пруссии в глубь неприятельской территории и в июне того же 1758 г. вступила в Померанию, где у Цорндорфа встретилась с прусской армией и во второй раз нанесла ей катастрофическое поражение. Но Фермор, как и его предшественник граф Апраксин, не сумел использовать боевой успех своей армии и вместо безостановочного преследования врага в целях уничтожения его живой силы ступил за Вислу, на территорию Польши.

В результате этой грубой ошибки Фермор был смещён со своего поста главнокомандующего и заменён фельдмаршалом Салтыковым.

Новому главнокомандующему было поручено немедленно возобновить кампанию и, пройдя через владения прусского короля, соединиться с австрийской армией для совместных действий против армии Фридриха.

Переправившись через Одер, 23 июля 1759 г. русские войска разбили наголову авангардную армию пруссаков и, соединившись с австрийской армией, 12 августа одержали новую блестящую и решительную, третью победу над главными силами Фридриха при Кунерсдорфе. Разгромленная «непобедимая» армия Фридриха позорно бежала с поля битвы, а сам прусский король едва спасся от русского плена.

Кунерсдорфская победа русской армии открыла союзникам свободный путь на Берлин, но командование союзных войск в течение нескольких месяцев не могло договориться о плане дальнейших действий, и 29 ноября 1759 г. Салтыков вывел свои войска из Бранденбургской провинции, где при Кунерсдорфе они только что одержали блестящую победу. Оставившись без поддержки русской армии, австрийские войска стали терпеть поражения. Австрия угрожал неминуемый разгром, и по её настоянию Салтыкову было предписано верховным командованием пройти со своей армией, в Силезию для совместных с австрийской армией действий и взятия главного силезского города Бреслава. Фридрих, между тем, успел сконцентрировать у Бреслава все свои силы. Напуганные Фридрихом австрийцы, не соединившись с русскими войсками, в панике бежали из-под Бреслава, в результате чего и Салтыков, оставшись без поддержки союзника, принуждён был отойти лицом значительно превосходящих сил противника отказаться от поединка с прусской армией и тоже отступить от Бреслава. Неудача силезской операции, проигранная исключительно по вине австрийцев, была, однако,

поставлена в вину Салтыкову, и он должен был уступить командование русской армией фельдмаршалу Бутурлину.

По согласованному оперативному плану с союзниками русским верховным командованием на Бутурлина было возложено ответственное поручение — выступление на Берлин и взятие прусской столицы. Командование русским оперативным отрядом для наступления на Берлин было возложено на графа Тотлебена и генерала Чернышёва. «Непобедимая» армия Фридриха II под Берлином почти вздохне преспоходила своей численностью русский отряд, но она была так напугана русскими в предыдущих боевых встречах с ними, что накануне ожидавшегося 8 сентября 1760 г. штурма Берлина русскими войсками прусское верховное командование решило сдать Берлин противнику без боя, и на следующий же день русские войска вступили в Берлин.

На выручку Берлина Фридрих направил новую армию в составе 70 тысяч человек. Ввиду того, что занимавший Берлин русский отряд состоял всего только из 8 тысяч, 12 октября Тотлебен и Чернышёв вывели свои войска из Берлина и без какого-либо урона, в полном порядке отступали на новые рубежи в восточном направлении, сохранив всю свою живую силу для развёртывания дальнейших военных действий против пруссаков и окончательного разгрома Фридриха.

Своим героическим прусским походом русская армия нанесла сокрушительный удар по «непобедимой», прославленной своей военной муштрой и сильнейшей тогда в Европе армии Фридриха II и в значительной степени поколебала на Западе авторитет его могущества и славу его армии.

5 января 1762 г. умерла императрица Елизавета Петровна, дочь Петра I, и это спасло Фридриха от дальнейшего разгрома. Её преемник, сын её сестры, мелкий немецкий владетельный князь Пётр Ульрих, вступивший на русский престол под именем Петра III, подобострастно преклонившийся, подобно всем германским владетелям, перед раздутым могуществом «его величества» короля Пруссии, изменил русскому народу и предал его интересы немцам, заключив с Фридрихом мир и обязавшись предоставить в его распоряжение 16-тысячный русский корпус.

Борьба польского народа с немцами захватчиками

*

I. ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ПЕРВЫХ ПОЛЬСКИХ КОРОЛЯХ (X—XII ВЕКА)

Хищническое наступление немецких варваров-завоевателей средневековья на славянский Восток, на земли чехов, моравов, полабских и поморских (прибалтийских) славян в X веке распространилось также и на соседние с этими славянами на востоке и северо-востоке от них польские племена. Первое вторжение немцев на польскую территорию относится к X веку и связывается с именем одного из кровожаднейших немецких императоров, Оттона I, его наместника или маркграфа Герона, известного в истории ещё бо́льшими зверствами по отношению к славянам, чем его патрон, император Оттон. Говорят, будто этот самый маркграф Герон, поставленный Оттоном наместником в организованную им из покорённых славянских земель северо-восточную провинцию (марку), созвал тридцать славянских вождей, угостил их, а затем всех убил; что он же провинцировал славянские племена на междоусобице братоубийственных распри, а затем, когда они ослабели в этих расприх, подчинил каждое в стужности своей власти.

Во главе молодого польского государства в 960—992 гг. стоял король Мешко I. Герон напал на Польшу, разбил войско Мешко и заставил его принести ленную присягу германскому императору. Как мы уже знаем, немцы нападали на славян под предлогом обращения их в христианство. Чтобы спасти от окончательного разгрома и завоевания свои земли немцами, Мешко в 966 г. принял христианство и основал познанское епископство, которое вошло в ведение немецкого магдебургского архиепископства, основанного Оттоном I для покорённых им полабских славян. Таким образом, Польша при Мешко подпала под верхнюю власть немцев. Это, однако, несколько не мешало отдельным немецким графам и маркграфам продолжать свои грабительские экспедиции на польскую территорию, несмотря на то, что польский король не только вполне добросовестно вёл все свои ленные обязательства по отношению к немцам, но и усердно помогал им завоевывать полабских славян и вести войну с чехами.

Примеру Мешко во внешнеполитике следовал и его сын и преемник на польском престоле, Болеслав Храбрый (992—1025). Он принёс ленную присягу германскому импе-

ратору и не только помогал ему завоевывать славянские племена, но и сам в этой деле не отставал от немцев: он завоевал поморских славян, подготовил завоевание прусского народа, подчинил своей власти белых хорватов и их город Криво, завоевал Силезию с городом Вроцлавом, землю закарпатских словakov и лужицких сербов и т. д.

В благодарность за помощь, которую Болеслав оказывал немцам, он получил от германского императора Оттона III ряд подарков и ничего реально не значивший, но громко звучащий для польского короля титул «ипстриция римского народа». Это не спасло, однако, польский народ от верховной власти над Польшей немецкого императора. Когда при преемнике Оттона III, Генрике II, Болеслав захватил в свою руку Чехию, польский захватчик столкнулся с немцами, и между ними началась длительная борьба, продолжавшаяся 14 лет и закончившаяся миром в 1018 г. По этому миру за польским князем немцы оставили только земли лужицких сербов, славянские племена ильлян и Моравию. Попытка польского короля распространить с помощью немцев свои захватнические устремления на восточных славян закончилась позорным изгнанием его вместе с немцами из Киева, куда он явился на помощь своему зятю, убице Бориса и Глеба, князю Святославу.

Насильственные захваты Болеслава Храброго были, однако, очень быстро ликвидированы при его сыне и преемнике Мешко II (1025—1034). Закарпатская Словения попала в руки венгров, славянское Поморье — к датчанам, Моравия вернулась в лоно своей матери-родины, Чехо-Моравии, Черноватая Русь воссоединилась со своей родной Русью, а сербы-лужицкие и мидьяне вновь подпали под иго немцев.

В целях обеспечения своего личного благополучия польские король прибегает к немецкой помощи против своего же народа. Так, например, в период бескоролья, наступивший в Польшу после смерти Мешко II и продолжавшийся шесть лет, власть в Польше перешла к народу, и он прежде всего стал беспощадно расправляться со своими насильниками — чиншовниками, ксендами и рыцарями (дворянством). На помощь польским панам пришли немцы. Вернувшись с помощью немцев в Польшу король Казимир (1040—1058) подавил народное восстание и полностью восстановил старый «порядок», за что польские дворянские историографы умевали его титуловать Реставратором и Обновителем Польши, хотя никакого обновления в жизнь польского народа он не внёс: precisely освобождённый от эксплуататоров народ был вновь возвращён в крепостническое состояние и рабство.

В своих внутренних расприх из-за дела о отцовского наследия средневековые польские короли и претенденты на корольский престол прибегают к чужеземной помощи, как это было, например, при польском короле Болеславе Кривоустом (1102—1138), столкнувшимся из-за дела о отцовского наследия с братом Збигневом. Последний обратился за помощью к немецкому императору Генриху V.

2. БОРЬБА ПОЛЬСКОГО НАРОДА С ТЕУТОНСКИМИ РЫЦАРИМИ

Со смертью Болеслава Кривоуста (1138) Польша вступает в период феодальной раздробленности и княжеских междоусобиц. Вскоре после смерти Болеслава Кривоуста его переделали между собой. Второй из сыновей, Болеслав Кудрявый, с помощью своих приверженцев захватил великокняжеский краковский престол и вынудил старшего брата, краковского князя Владислава (1138—1146), покинуть пределы Польши и искать помощи у своего тестя, немецкого императора Конрада III. Ввиду смерти Конрада III на помощь Владиславу поспешил император Фридрих Барбаросса и подошёл со своими войсками к Познани. На границе Познани Болеслав Кудрявый встретил немецкого императора как победителя, босой, с мечом на шею, давал ему обязательство оплатить все его военные издержки и явиться в Магдебург для улажнения спора с Владиславом. Взяв заложником младшего брата Болеслава Кудрявого, Казимира, и удовлетворившись выражением покорности польского князя и даними им обещаниями, Фридрих Барбаросса снял осаду Познани и поспешил в Италию на усмиренье восставших итальянских городов. Но Болеслав Кудрявый ни одного из своих обещаний не выполнил.

В 1229 г. по приглашению мазовецкого князя Конрада в Польшу прибыли для завоевания по поручению польского князя прусских земель. Тевтонские рыцари обосновались в Мазовии и в качестве опорной базы получили от Конрада Хелмницкую землю, откуда они и начали своё наступление на пруссов, и через несколько лет завоевание пруссов рыцарями было закончено. В завоеванных районах крестоносцы основывали немецкие колонии и строили укрепленные пункты: Торн, Кульм, Эльбинг и др. Завоевав Пруссию, немецкие рыцари не только аннулировали свои обязательства перед Польшей, но только отвергли признание польских князей на территории пруссов, но и отрезали Польшу от Балтийского побережья и лишили длинный польский народ выхода к морю. Попытка поморского князя Святоpełка вооруженной силой подчинить своей власти

рыцарей не увеличилась успехом. Святоpełк не нашла поддержки в соперничающих между собой польских удельных князьях.

В XII веке при князе Силезии, Кракова и Великой Польши Генрихе Благочестивом (1238—1241) польский народ становится жертвой татарского нашествия (1241). Татары разграбили Сандомир, сожгли Краков, разорили столицу польской Силезии Брацлав и из Польши вторглись в Моравию.

Татарский погром и постоянные княжеские междоусобицы войны вызвали значительное обезлюждение страны, что неблагоприятно отражалось на экономике страны и доходах князей. В целях пополнения убыли населения польские князья уже с XII века, но особенно после татарского нашествия стали заселять пустующие земли немецкими колонистами. Первые немецкие колонии образовались в Силезии, затем в Малой Польше (Краков) и в Мазовии. Вскоре, однако, немецкая колонизация распространилась на всю Польшу. Немецкие колонисты в Польше пользовались широкими правами и привилегиями, были независимы от польских чиновников, имели самоуправление и в своей внутренней жизни руководствовались обычным немецким правом, имели не только собственное, независимое от польских властей судопроизводство, но в сложных случаях обращались за разрешением споров к немецким городам, особенно в Магдебург; они имели в Польше свои целые ремесленные организации и т. п., словом, представляли собой хорошо организованные и сплоченные немецкие государственные ячейки внутри польского государства, возглавлявшиеся немецкими же уполномоченными (фогт, польский воigt). Приняв массовый характер, немецкая колонизация Польши представляла собой в конечном счёте наступление на Польшу германизма и немецкую агентуру внутри страны. Среди немецких поселенцев было множество немецких рыцарских орденов. Вскоре, однако, польские князья стали переходить на немецкие права и местное польское население.

Захватив в свои руки, но владыки польских князей, прусскую землю (нынешнюю Восточную Пруссию), тевтонские рыцари нависли над польским народом постоянной угрозой. Захватив его территории со всеми вытекающими отсюда последствиями, т. е. с разорением страны, грабежом населения и его немецением. В начале XIV века крестоносцы стали наступать уже и на польскую территорию и, воспользовавшись дракой между собой польскими князьями, захватили польскую область Поморье (Поморское княжество), соседнюю с запада с Пруссией. Они вторглись на территорию Великой Польши, но здесь у деревни Пловцы, в окрестностях

Раздеева, в 1331 г. были разбиты войсками польского короля Владислава I Локотка (1306—1333), причём в битве погибло более 4 тысяч рыцарей. Однако и после этого тевтонские рыцари удержали за собой польское Поморье, Куявлю и Добжинскую землю. И только вмешательство в пользу Польши римского папы Бенедикта XII помогло польскому королю Казимиру Великому (1333—1370), по Калштанскому миру, заключённому в 1343 г. с магистром ордена Людольфером Кёнигом, вернуть Польше Куявию и Добжинскую землю, Поморье же осталось в руках крестоносцев.

Напряжённые отношения польского народа с крестоносцами Тевтонского ордена продолжались и дальше, после заключения унии Литвы с Польшей (1386), при Владиславе II Ягелло (1386—1434), старинном которого литовский народ был обращён в христианство. Воспользовавшись натянутыми отношениями между Ягелло и его двоюродным братом Витовтом и стремясь предупредить укрепление мощи польско-литовского государства, крестоносцы напали на Литву, предали её пожарам и грабежу и вновь захватили польские земли Куявию и Добжинскую землю, но в 1404 г. Ягелло военным нажимом на крестоносцев заставил их возвратить Польше Добжинскую землю. Вскоре, однако, крестоносцы во главе с магистром Тевтонского ордена Ульрихом Юнгингом вновь вторглись на территорию Добжинской земли, где их встретили объединённые силы славянских народов — поляки во главе с Ягелло, литовцы, белорусы, украинцы и русские во главе с Витовтом, в сотрудничестве с чехо-моравским народом, под начальством Жижки. В сражении, которое произошло 15 июля 1410 г. на Зелёном поле у Танненберга и Грюнвальда, рыцари понесли катастрофическое поражение.

В 1411 г. в Торне Ягелло заключил мир с крестоносцами, по которому Жмудь была воссоединена с Литвой, после чего, однако, еще дважды крестоносцы пытались силой захватить Жмудь, пока, наконец, не вынуждены были в 1422 г. навсегда отказаться от захватнических притязаний на эту территорию. Будучи непримиримыми врагами унии, крестоносцы постоянно вмешивались во внутренние польско-литовские отношения и поддерживали с оружием в руках всякую инициативу, направленную к срыву унии, что отчаяло западных интересов немецких рыцарей. Так, например, после смерти Витовта великим князем литовским был утверждён младший брат Ягелло, Свидригайло. В союзе с немецким императором Сигизмундом Люксембургским, молдавским

господарем и крестоносцами Свидригайло выступил против унии, за отделение Литвы от Польши. Вспыхнула новая война, в которой крестоносцы были вновь разбиты при Вальковце, и на основании мира, заключённого в 1435 г. в Бресте-Куявском польско-литовским правительством с крестоносцами, последние объявили не поддерживать сепаратистских стремлений литовских великих князей.

Между тем положение тевтонских рыцарей в захваченных, опрощённых и разорённых ими Пруссии и Поморье с каждым годом становилось всё хуже и хуже. Значительно ослабленные в целом ряде предыдущих поражений, они уже не могли справиться с оппозицией местных прусских и польских рыцарей и мещанства, которая нарастала на их глазах, вызванная грабёжом и непосильными поборами немцев. Организовавшись в «Союз ядерных», оппозиция ставила своей задачей свергнуть в Пруссии и Поморье их крестоносцев. Вступая в сношение с польским королём Казимиром Ягеллоничком (1447—1492), местное население начало войну с крестоносцами. Король со своим войском лично прибыл в Торн и осадил Хойниц и столицу тевтонского ордена, Мальборг.

Война затянулась на тринадцать лет, так как королевская касса оказалась не в состоянии выплачивать жалованье наёмным войскам. Когда деньги были собраны, военные операции пошли очень быстро и удачно для поляков и закончились в 1466 г. Торуньским миром, на основании которого польский народ вернул себе Поморье с Хелминской землёй и прародительную часть Западной Пруссии с городом Мальборгом; и смежную с ним к востоку область Вармию. Вместе с приобретённой Западной Пруссией Польша получила в своё владение устье Вислы и доступ к Балтийскому морю через Данцигский (Гданьский) порт. Крестоносцы удержали за собой восточную часть территории Пруссии с городом Кёнигсбергом и признали над собой верховную власть польского короля. Западная часть территории Пруссии восстановлением Люблинского сейма в 1569 г. при Сигизмунде II Августе (1548—1572) была incorporated в состав королевства Польша, ввиду чего она и именуется потом как «королевская Пруссия».

3. БОРЬБА ПОЛЬСКОГО НАРОДА СО ШВЕДСКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ И БРАНДЕНБУРГСКИМИ НЕМЦАМИ

Первым наследственным князем Восточной, орденой Пруссии, по договору, заключённому тевтонскими рыцарями с Польшей в Кракове в 1525 г., был признан Альберт Бранденбургский, который в том же году в Кракове

принёс польскому королю Сигизмунду I (1506—1548) левую присягу.

В начале XVII века шведский король Густав-Адольф при содействии прусского князя из бранденбургских курфюрстов Георга-Вильгельма, состоявшего, как и все его предшественники, в личной зависимости от Польши, захватил в свои руки королевскую Пруссию. Преемник же Георга-Вильгельма на прусском княжеском столе, бранденбургский великий курфюрст Фридрих-Вильгельм (1640—1688), следуя примеру шведского короля, захватил и королевскую, т. е. польскую, Пруссию в свои руки.

Таким образом, обе части Пруссии: Восточная, т. е. княжество Пруссия, или орденская Пруссия, и Западная, или так называемая королевская Пруссия, были объединены бранденбургским захватчиком в одно целое, отторгнутое от Польши. С захватом бранденбургским курфюрстом королевской Пруссии был ликвидирован в интересах Бранденбурга территориальный разрыв между немцами Бранденбургом на западе и княжеством Пруссия на востоке.

Польша в это время (король Ян II Казимир, 1648—1688) деликом была в руках шведского короля Карла-Густава.

Угроза захвата Польши шведами заставила короля Яна II Казимира искать помощи у Дании и Австрии. На сторону Польши перешёл и курфюрст бранденбургский, князь орденской Пруссии, Фридрих-Вильгельм, за что в 1657 г. был освобождён Польшей от левой присяги на владение княжеством Пруссией и дополнительно получил в ленное владение польские города Бытов и Лауэнбург. Таким образом, вся Пруссия перешла во владение немцев, да кроме того немцы, пока легально, при содействии польского короля, захватили в свои руки и часть территории Польши — королевскую Пруссию, Бытов и Лауэнбург.

На защиту родины против шведских захватчиков поднялся угнетённый и закабалённый в шляхетской неволе польский народ, начавший под командованием Стефана Чарнецкого широкую освободительную партизанскую войну со шведами. В результате этой войны шведский король был изгнан из Польши.

4. ПОЛЬСКИЙ НАРОД НАКАНУНЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ В XVIII ВЕКЕ

С избранием на польский королевский престол в 1697 г. саксонского курфюрста Фридриха-Августа под именем Августа II (1697—1733) Польша нависается саксонскими войсками, попадает в сферу немецкого засилья и захватчи-

ских авантюр на севере в целях завоевания Лифляндии и Балтийского побережья (Северная война).

Воспользовавшись военными неудачами Польши в этой войне со шведами, бранденбургский курфюрст Фридрих III объявил себя прусским королём и 18 января 1701 г. короновался в Кёнигсберге под именем Фридриха I¹. Таким образом, не только вся Пруссия (нынешняя Восточная Пруссия) перешла в полное владение немцев как королевство Пруссия, но немцы узурпировали у литовского народа и их племенное имя — пруссы.

Между тем с севера, разбив объединённые польско-саксонские и русские войска под Ригой, на Польшу выступал шведский король Карл XII. Польский народ требовал от своего короля Августа немедленного заключения мира со Швецией и вывода саксонских войск на Польшу. Август вступил в тайные переговоры с Карлом и предложил ему раздел Польши. Карл отверг предложение польского короля, в мае 1702 г. занял Варшаву, начал бежавшего из столицы польского короля в Краковском воеводстве, нанёс ему поражение и занял Краков. Все эти события в связи с раскрытием тайных переговоров польского короля с Карлом привели к объявлению его польским народом низложённым с престола. Но Август со своими сторонниками продолжал напряжённую борьбу с оппозицией, опирающейся на Карла, и прочно утвердился на польском престоле. Тем не менее польскому народу в конце концов в 1716 г. удалось настоять на выводе из Польши саксонских войск.

Когда в 1732 г. Австрия, Пруссия и Россия подписали договор, направленный против попыток со стороны Августа закрепить королевский престол в Польше за саксонской династией и настаивавший на занятии польского престола представителем национальной династии, польский король Август II вновь, уже в третий раз, вернулся к мысли о разделе Польши и секретно предложил Берлину поделить Польшу между Австрией и Пруссией под тем условием, чтобы оставшая часть Польши перешла к его сыну². Так за спиной польского народа саксонский курфюрст на польском престоле усердно и настойчиво работал в пользу немцев, не останавливаясь в своих династических интересах перед предательством польского народа.

К середине XVIII века шляхетская Польша (Речь Посполитая) в результате эгоистической, узко классовой, шкурни-

¹ Влад. Грабовацкий, История польского народа, Спб. 1910, стр. 223.

² Там же, стр. 233.

ческой политике всемогущего дворянства находилась в полном упадке и в международных отношениях утратила всякий престиж, став объектом борьбы интересов иностранных держав. Бранденбургские курфюрсты, захватив Пруссию и объявив себя независимыми от Польши королями Пруссии, безнаказанно захватывали западные районы Польши и присоединяли их к Бранденбургу, как поступил, например, Фридрих-Вильгельм с Драмискином старостством в Познани, и, не считаясь ни с какими нормами международного права, распоряжались в Пруссии, как у себя в Бранденбурге. В то время как хозяевами Польши фактически стали иностранные державы, главным образом Франция и Австрия, направлявшие её внешнюю политику в своих интересах, распушенная шляхта своей аварией подрывала мощь страны изнутри, срывая по своему капризу, провозволу или даже озорству отдельных депутатов работу высшего органа управления страны — сейма. С 1682 по 1736 г., на основании действовавшего в стране шляхетского права «либерум вето», было сорвано 26 сеймов, из которых 13 — отдельными депутатами.¹

Необузданная анархия, своеволие и беззаконие, царившие в провинциальных шляхетских сеймиках, изуверская религиозная нетерпимость, культурная отсталость шляхетской общности, упадок науки, доминирующее господство теологии, решающая роль суеверий и предрассудков, засилье невежественного реакционного монашеского духовенства, беспорядки экономически запалённых под властью крепостников-помещиков крестьянских масс и городского мешчанства и т. д. — характеризуют собой внешнее и внутреннее положение шляхетской Польши к середине XVIII века. Она явно шла к политической катастрофе.

«Польша не участвовала в умственном движении Запада, даже не усвоила самых главных его приобретений. Ей были одинаково чужды как великие открытия в области астрономии и экспериментальной физики: Кеплера, Галилея, Ньютона, Паскаля, Торричелли, так и философские идеи Бэкона, Декарта, Локка, Лейбница. Мрак закрывал от очей народа его угрожающее положение (вернее, не от очей народа, а от очей господствующих классов шляхетской общности. — Н. Д.). Люди разумные, более критически смотревшие на общественные дела, должны были срывать своё общественное мнение из опасения подвергнуться обвинению в ереси или в покушении на шляхетские вольности. Станислав Дунин-

Кавалский не имел мужества напечатать свой трактат о преобразовании Речи Посполитой (1709), заключающий много реформаторских идей. Народ опускался в пропасть своего падения без сознания причин зла и средств спасения»¹.

3. РАЗДЕЛЫ ПОЛЬШИ 1772, 1793 и 1795 гг.

С избранием на польский королевский престол в 1794 г. кандидата Пруссии и России Станислава-Августа Понятовского (1764—1795) Польша, политически дезорганизованная, экономически обесцененная господствующей в стране шляхетской анархией и в силу этого потерпевшая в международных отношениях какое бы то ни было значение и политической трагедия, в своей политической жизни вступает в сферу преобладающего влияния восточного соседа, России, имевшей слишком много исторически сложившихся, обихих точек соприкосновения и неразрешённых вопросов во взаимоотношениях, для того чтобы оставаться в стороне от назревавших вокруг Польши международных осложнений.

Поддержанная партией Чарторыхских, Россия сталкивалась в Польше с вооружённой оппозицией шляхты по вопросу так называемых диссидентов (об уравнении в правах с католиками всего прочего населения, как польской, так и белорусской национальности, в том числе и во временно захваченных ею землях Белоруссии и Украины, некатолического вероисповедания), а также о прекращении насилий над диссидентами. В умалении прерогатив католицизма польская шляхта усматривала угрозу чуть ли не самому существованию Польши, в действительности же религиозная нетерпимость разрабатывавшей и необузданной шляхты прикрывала собой хищнические, эксплуататорские интересы польской помещицы.

«На сочинения диссидентов, требующих равенства, и на манифесты торуньской и слонимской конференций, — говорит польский историк Влад. Грабеньский, — католики ответили множеством прозванных и стихотворных трактатов и памфлетов, распространившихся преимущественно в рукописях. В этих рассуждениях доказывалась несостоятельность требований диссидентов; в пасквилях и сатрах католики осмеивали их и возбуждали к ним отвращение. Одного только упрека не делали католики диссидентам, упрека в искании выгоды у России, ибо он относился бы и к ним самим.

¹ В. Д. Грабеньский, История польского народа, Сиб. 1910, стр. 230.

¹ Влад. Грабеньский, История польского народа, стр. 244.

Гетман Брацлавский, епископы — краковский Солтык, князь Иосиф Залуский, каменецкий Адам Красовский и другие — руководили оппозицией на сеймах, побуждая шляхту к сопротивлению в деле диссидентства. Они разослали сановникам и земским чиновникам множество писем с указанием об избрании правозверных послов (делегатов) и с просьбой о внесении в сеймовые инструкции пункты о неприкосновенности католицизма. Белое и чёрное духовенство метало с амвонов проклятия против диссидентов, общество возносило молитвы к богу об избавлении религии, находящейся в опасности¹.

Центром вооружённого шляхетского выступления против России был небольшой городок-крепость Бар в Брацлавском воеводстве, куда в конце февраля 1768 г. собрались первые отряды вооружённой шляхты. Польской трудовой народ не принимал участия в этом движении, потому что по существу оно было направлено прежде всего против польского народа, против его социальных и политических интересов, против его борьбы за освобождение от эксплуататоров. Мобилизация наиболее реакционных и фанатически настроенных элементов шляхетской общественности в Бар известна в истории под именем Барской конфедерации. Разставшая польскими правительственными войсками при содействии русских войск, Барская конфедерация сыграла печальную роль в жизни народов Польши. Католическая реакция вызвала в угнетённых польскими помещиками крестьянских массах Украины и Белоруссии взрыв социального протеста, выразившийся в кровавых событиях гайдацкого народного движения 1768 г., охватившего всю Правобережную Украину и Белоруссию. Гайдацкое движение было жесточайшим образом подавлено польским правительством, но агитация конфедератов продолжала свою вредную для польского народа и польской государственности работу внутри Польши — в Кракове, Сандомже, Серадзе, Лиге и в других районах.

Господствовавшая в Польше анархия открыла странам-соседам дорогу для территориальных захватов в Польше. Венгрия захватила в свои руки часть польской территории в Краковском и смежных воеводствах, Фридрих II — в королевской Пруссии и в пограничных районах Восточной Польши. Опираясь на эти захваты, Фридрих II выдвинул проект раздела Польши между Австрией, Германией и Россией. Екатерина II сначала отклонила этот проект, но через год

под влиянием изменившейся международной обстановки согласилась на раздел Польши. 6 февраля 1772 г. было подписано в Петербурге соответствующее соглашение с Фридрихом II. Через несколько дней после этого к соглашению присоединилась Австрия (Иосиф II).

Первый раздел Польши, являвшийся логическим завершением полного морального и политического разложения господствующего класса шляхетской Речи Посполитой, был встречен польским народом равнодушно.

Прошло после раздела немалое время, и, несмотря на то, что шляхта не унывала, Польша, благодаря энергичной патристической работе небольшой группы наиболее передовых и культурных элементов польской общественности, очень быстро задела свои раны, окрепла материально, значительно выросла культурно, покрывшись сетью светских школ, заложила основы развития национальной промышленности, улучшила социальное и экономическое положение крестьянства и пр. и пр., но своеобразие, озорство, отсутствие солидарности государственной ответственности, карьеризм, плутизм, индивидуализм, недисциплинированность и интриганство шляхетских кругов широко открыли двери в Польшу прусскому влиянию.

Под влиянием агентов прусского короля Фридриха-Вильгельма II в польских общественных кругах, в связи с объявлением Турцией в августе 1767 г. войны России, стала популярной мысль об обращении к помощи Пруссии в целях ликвидации русской оккупации в Польше. Фридрих-Вильгельм II уже стянул к польской границе прусский корпус, готовый в любой момент вторгнуться в пределы Польши.

Поразительное легкомыслие и отсутствие элементарной бдительности толкали польскую оппозицию в объятия немецких захватчиков. Когда Варшавский сейм в 1788 г. принял ряд законопроектов, направленных против конституции 1775 г., и русское правительство заявило по этому поводу свой протест, оппозиция обратилась к прусскому правительству с просьбой дать сейму формальное завершение в том, что прусский король «не присваивает себе права вмешиваться в свободу обсуждений и постановлений сейма Речи Посполитой». В ответ на это прусский посланник в Варшаве вручил сейму декларацию с заявлением следующего содержания: «Прусский король, как поручитель, считает себя обязанным только защищать независимость Польши и не предьявляет претензий на вмешательство в её внутреннее устройство, наоборот, стремится всеми силами обеспечить свободу Речи Посполитой в этом отношении».

¹ Влад. Гравельский, История польского народа, стр. 278.

Декларация прусского короля вызвала полное удовлетворение в кругах сеймовой оппозиции и окрылила её самыми радужными надеждами на окончательную ликвидацию с помощью «дружественно расположенного к польскому народу прусского короля» немыслимого ей русского влияния. Опираясь на провокацию прусского короля, 19 января 1789 г. сейм ликвидировал так называемый Постоянный совет в Польше, представлявший собой правительство Польши, гарантированное, согласно конституции 1775 г., Россией, Австрией и Пруссией. Король Пруссии горжестовал свою победу и толкал Польшу к полному разрыву с Россией. Россия и Австрия, понимая провокационный характер действий прусского короля, не реагировали на безрассудное поведение сейма.

Подлинные «дружеские» чувства прусского короля к польскому народу не замедлили сказаться в ближайшее же время. В начале 1790 г. он предложил Польше заключить торговый и оборонительный союз, но за предоставляемые Польше эфемерные тарифные льготы и обещание военной помощи потребовал от Польши уступки ему Торня (польский Торунь) и Данцига (польский Гданьск). С заключением оборонительного польско-прусского союза в 1790 г. Польша целиком попала в хитрые лапы прусского короля. Вопрос о немедленном захвате немцами Торуня и Гданьска был временно отложен, но не отдал окончательно.

3 и 5 мая 1791 г. польским сеймом была принята новая конституция, вызвавшая удовлетворение прусского короля. О приваши ловой конституции польское правительство даже не сочло нужным официально сообщить России в известность.

9 января 1792 г. в Яссах был подписан русско-турецкий мирный договор, а в мае того же года русские войска вступили на территорию Польши. Польское правительство, убоявшись в своё время бумажными заверениями в лояльности прусского короля и наличием австро-прусского соглашения 1791 г. о совместной охране целостности Польши, к моменту вступления на территорию Польши русских войск оказалось без денег и без армии. Прусский король отказался от своих обещаний какой-либо помощи Польше, а австрийский император Франц II был занят войной с революционной Францией; ему в это время было не до Польши.

В местечке Тарговице, в Брацлавском воеводстве, польские конфедераты, враждебно настроенные к конституции 3 мая, опубликовали акт генеральной свободной коронной конфедерации, объявлявший объединение поляков за католическую веру, за равенство всей шляхты, а не только

оседлой, за сохранение границ Речи Посполитой и республиканское правление, провоз наследственности престола и конституции 3 мая. Для освобождения Речи Посполитой из рук угнетателей они просили помощи у русской императрицы¹.

Польский король Станислав-Август вступил в переговоры с Екатериной и предлагал свои условия мира, в том числе сохранения конституции 3 мая. Императрица отвергла предложение польского короля. Тогда Станислав-Август подписал акт о присоединении к Тарговицкой конфедерации. Война была окончена, и русские войска вступили в Варшаву. Реакционная шляхта торжествовала свою победу. Она отменила конституцию 3 мая, и польский народ оказался лишённым всех её положительных завоеваний в области социальных отношений, политических прав и культурно-просветительной работы.

Пока шляхетская конфедерация расправлялась в Варшаве со своими противниками, Австрия потерпела поражение в войне с Францией, и прусский король, воспользовавшись этим обстоятельством, легко договорился с ней о захвате в свою пользу давно намеченных им польских земель — Торуня, Гданьска и западных районов Польши. Императрица Екатерина не оказала противодействия захватившему притязаниям прусского короля, и между Россией и Пруссией 23 января 1793 г. была подписана конвенция, санкционировавшая второй раздел Польши. Прусские войска под предлогом борьбы с влиянием идей Французской революции в Польше заняли целый ряд западных воеводств Великой Польши.

Урок первого раздела прошёл для верноподданных судьбы польского народа бесплодно. Европейские державы подтвердили польские захваты прусского короля.

Попытка передовых элементов польской шляхты защитить территориальную целостность страны и её политическую независимость путем вооружённого восстания под командованием генерала Фаддея Костялко закончилась неудачей. Восставшие располагали достаточным героизмом, патристическим воодушевлением и самопожертвованием, но им не удалось мобилизовать необходимую жалкую силу и материальные средства, а главное, не удалось привлечь на свою сторону неизбежно эксплуатируемые и томившиеся в крепостной неволе у помещиков широкие народные массы, и восстание, отрывавшее от народа, было ликвидировано.

¹ Влад. Гробицкий, История польского народа, стр. 371.

3 января 1795 г. между Россией и Австрией был подписан трактат о разделе Польши, и 24 октября того же года такой же трактат был подписан между Россией и Пруссией. Это был третий раздел Польши, после чего Речь Посполитая прекратила своё существование. 25 ноября 1795 г. Станислав-Август отрёкся от престола. В результате трёх разделов Польша Пруссия захватила в свои руки не только всю так называемую королевскую Пруссию с городами Гданьском (Данциг) и Торунем (Тор), но также Познань, часть Силезии, «сердце Польши» Мазовию и самую столицу Речи Посполитой Варшаву. Под иго пруссаков попало 2 300 тысяч польского народа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пангерманизм и его захватническая пропаганда в XIX веке

*

В своей человеконенавистнической теории и в своей изуверской, звериной политической практике гитлеризм представляет собой выражение явно дегенеративной, но классово вполне сознательной системы мышления наиболее реакционных и вместе наиболее агрессивных эллитов немецких империалистов XX века. По характерные черты Сталина, «партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира». В основе своей антиславянской политики она имеет своим непосредственным «судьбным» предшественником и своим вдохновителем немецкой национал-шовинистический пангерманизм, расцвевший вловившим цветом в XIX веке и уходящий своими корнями в хищнически традиция немецких завоевателей средневековья. Таким образом, несуществующий пангерманизм в своих антиславянских устремлениях представляет собой промежуточное звено между варварским средневековьям и гитлеровским фашизмом XX века. Немецкий пангерманизм XIX века и гитлеризм XX века — это родные братья по крови и духу: оба они служили и служат захватническим интересам немецкого империализма. Гитлеризм представляет собой органическое продолжение и естественное, доведенное

до логического конца завершение реакционнейшего немецкого пангерманизма.

В весьма значительной части немецкой исторической «науки» и философии, состоявшей в XIX и в начале XX века на службе у влиятельных верхов германского национал-шовинизма¹, равным образом как и в беспримечных в истории политической литературы по своей наглости и цинизму жлобконках расползавшихся лидеров фашистской шайки, Гитлера и Розенберга², утвердилось популярное и клеветническое утверждение о том, будто славянские народы в истории европейских народов всегда — и в средние века и в новое время — играли и продолжают играть незначительную роль, что по своим своеобразным расовым особенностям (!), организаторским талантам и по своей культуре славяне стоят ниже немцев, что славяне неспособны к оригинальному творчеству и живут якобы только подражанием гюркескому гению немецкого народа.

В этой, с позволения сказать, литературе упорно и планомерно проводится мысль о том, что славянское племя хотя и предшественно германскому, тем не менее представляет собой в сравнении с германским племенем расу несравненно более «низкую»; что сравнительное положение славянского племени относительно германского, как «низшей» расы относительно «высшей», может быть уподоблено «отношениям негров, ханитов, туземцев к европейцам, кельтов к римлянам и германцам, женщины к мужьям». Славяне, утверждают пангерманисты, — раса пассивная, страдательная, германцы — раса активная, деятельная..

Немецкие национал-фашисты возмущены тем, что славяне не пытаются благоволейшего уважения в своем вековом угнетательстве и не склоняют поскорее головы перед извильником. Захват немецкими варварами огромных славянских территорий на юге, на западе и на востоке Европы пангерманисты трактуют как красноречивое доказательство исторической, политической и культурной отсталости славянской расы. Как римляне распространяли свой язык и свою цивилизацию в Испанию, Галлию, Британию, Иллирию, Данию, так немцы, утверждают пангерманисты, доставляли своему языку господство у тридцати с лишком миллионов славян и других племен греко-славянского мира — литовцев, латышей, эстов,

¹ История Э. М. Арндт, Равис, Саванал, Г. Лео, М. Гейтер, К. Лемке, Густав Диттельс, Мюллер, Е. Геральд, Гербергер, Трейнке и др.; в послесловии — Крагер, Гассе, Вайнакс, Девенберг и др.; философия — Гегель, Шлегель, Макс Штюрмер, Шлегель, Ницше.

² *Hitler*, *Мой Борба*; *Rosenberg*, *Миф XX века*.

малляр, руман, словом всех племен «субгерманской, поднемецкой» (?) Европы. Все эти «этнографические» и «исторические» предпосылки представляют собой явный вздор и чепуху.

Уже в XIX веке немецкие пангерманисты говорят о том, что к Пруссии следует присоединить австрийскую Силезию, Чехию, Моравию, Словенскую землю в южной Штирии, Хорватии и Истрия, так как немецкий (?) город Триест (который, кстати сказать, никогда не был немецким, а всегда был словенским городом) Германиям необходим для «предопределённого» ей господства (?) на Адриатическом море. Дунайские земли должны принять поток немецкой колонизации. Немцам «предназначено» (?) владеть устьями Дуная, заселить Болгарию. Но всех этих земель, хотя сия по территории и больше Германии, ещё мало, тем более что ей, может быть, не удастся приобрести даже этого, пока будет сильна Россия. Повторяя прежде всего нужно, чтобы Пруссия урезала Россию — отняла бы у нее прибалтийские губернии, по крайней мере по ту сторону Вислы, Ковенскую и Виленскую губернии и русское Балтийское побережье, или, по выражению Бисмарка, «так называемые Остзейские земли, ныне принадлежащие России».

Для скорейшего и наиболее удачного достижения всех этих «высоких» целей программа требовала расширить и укрепить имеющиеся в славянских землях немецкие элементы и стараться об их усилении умножением немецких колоний и т. п. Эта же программа намечала создание сильной немецкой партии в прибалтийских губерниях, разрежение литовско-эстонского народонаселения путём искусственного населения латышей и эстов в Новгородскую и Самарскую губернии и замену их пришельцами из Пруссии немецкими батраками-рабочими. Программа намечала также создание из трёх прибалтийских губерний единой объединённой Ливонии с одним ландтагом, с заменой личного подданства России личной ушей, по примеру Великого княжества Финляндского, с тем чтобы при первых же замечательных успехах можно было благополучно и без больших жертв отделиться от России и воссоединиться с «великими германским отечеством»¹.

Ревностным проводником идей пангерманизма в немецкой политике был известный канцлер Бисмарк (1815—1898). Присоединение к немецким землям Чехии, Тироль, Эльзаса и Лотарингии, Голландии и Швейцарии уже в 40-х годах прош-

лого столетия, т. е. 100 лет назад, рассматривалось Бисмарком как проведение в жизнь «национальной немецкой политики».

Успешная для немцев франко-прусская война 1870 г. содействовала усилению пангерманского движения в Германии. С того времени начинаются преследования немцами поляков в Познани и в Восточной Пруссии, где в 1886 г. была создана немцами колонизационная комиссия, и после того, адриане во первой мировой войны 1914—1918 гг., здесь велась самая циничная борьба немецких захватчиков с польским самосознанием и польским языком.

В 1891 г. в Германии был утверждён Все немецкий союз (Alldeutscher Verband), который имел свои отделения во всех немецких районах других государств. Союз ставил своей задачей «одидетьворять национальное сознание Германии, поддерживать полуживую аволавии, содействовать заграницным немцам и друзьям Германии, если бы им пришлось что-либо претерпеть за свою приверженность к немецкому». По мысли немецких пангерманистов, это должна была быть политика мировая. «Идея нашего народа не может ограничиваться своей горизонт узкими рамками Германской империи; его история, культура, самоопределение даёт ему право на мировое положение», — так писал Все немецкий союз в своём обращении к североамериканским немцам.

Средством для приобретения такого положения, по мысли немецких пангерманистов, служит милитаризм, ибо настоящий народ имеет право с помощью своей доброй сабли создать для себя простор, которого нехватает его детям, не помещающимся на своей земле.

Уже в прошлом, XIX веке пангерманисты являлись немецкому обществу, что немецкий народ есть *Heimvolk*, т. е. «народ господ», что немецкий язык — самый богатый в мире, что германская раса — наиболее чистая раса, гениальная и одарённая высшей степенью нравственным чувством (?)

Уже в 1894 г. немецкий политический деятель, пангерманист Крэгер напечатал книгу под заглавием «Торжествующая Германия» («*Gettante Triumpfanz*»), в которой намечал границы Германии, какие они будут в 1915 г. Эти границы охватывали балтийские провинции, Литву, Польшу, Восток, Подолию, Новороссию с Крымом, Приволжье, Пензу и т. д.

В следующем, 1895 г. другой пангерманист выпустил книгу под названием «Великая Германия и Средняя Европа в 1950 г.» По плану этого автора, в 1950 г. Германия, предполагалось, будет включать в свои границы, кроме «теперешней малой империи», так он выражается, также Люксембург,

¹ В. Н. Ланский, Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе, Спб. 1871.

Голландию и Бельгию, часть Швейцарии, всю Австрию, стало быть, собственно Австрию, Чехословакию, Венгрию, Подкарпатскую Русь и Галицию, затем балтийские княжества, королевство Польшу, королевство Рутению, т. е. Украину, королевство Румынию и королевство Велюкосербское.

Таким образом, как мы видим, папач народов, сиудосунный кретин и психопат Гитлер на практике пытается осуществить захватнические планы своих предшественников, пангерманистов.

Генеральный штаб пангерманистской агитации — Военемецкий союз — имел в Германии и другие многочисленные пангерманистские организации и общества, в том числе гимнастические, спортивно-военные и т. п. Для достижения своих целей пангерманисты поддерживали немецкие учебные заведения и немецкие колонии на Балканском полуострове, в Малой Азии, в Персии, в царской России и т. д.

Начиная мировую войну 1914—1918 гг. пангерманизм представлял собой мощную силу в Германии и пользовался большим влиянием в некоторых кругах немецкой бюргерской общности и среди руководящих правительственных верхов, которым он диктовал свою волю и которые в своей внешней политике шли всецело на поводу у пангерманистов.

Приведенный выше материал не исчерпывает, конечно, всей программы агрессии пангерманизма в отношении славянских стран на европейском юге, на востоке и в центре Европы, но достаточно ярко раскрывает основное содержание захватнических устремлений наиболее агрессивных элементов немецкой буржуазной общности. Устремления эти уходят своими корнями в традиции варварского средневековья и обильно питаются антиславянской человеконенавистнической политикой правящих немецких капиталистических и империалистических верхов в новое и новейшее время. Вместе с тем этот материал прекрасно характеризует ту культурную и политическую атмосферу, в которой вырос и воспитался чудовищный, цинично наглый и преступный гитлеризм.

Гитлеровцы целиком и полностью усвоили незатейливую политическую «прелесть» своих «идеальных» предшественников и дополнили ее элементами отвратительнейшего капитализма. После захвата в 1933 г. власти Гитлер с максимальной тупостью немецкого эфрейтора стал осуществлять свою преступную программу внутренней и внешней политики, направленную против культуры, гуманности, политической независимости и национальной свободы славянских народов и всего передового человечества, но на затеянной им границе

людиной эвентуры пока ничего не вышло и не выйдет никогда, как никогда ничего путного не выходило и из захватнических попыток всех его предшественников в средние века и в новое время.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Польский народ под пруссацким игмом в XIX веке

*

Первым насильственным актом немцев по отношению к польскому народу на захваченной пруссацкой территории был изданный Фридрихом-Вильгельмом II в 1796 г. «Патент относительно поддержания спокойствия и порядка во вновь приобретенных провинциях». В действительности «спокойствие и порядок», насаждавшиеся пруссаками организованной системой насилия над польским народом, представляли собой возмущательнейший беспорядок, а идеалом спокойствия у захваченных были спокойствие могилы для польского народа.

Система мероприятий, проводившаяся пруссаками правительством в захваченных польских областях на основании названного «Патента» 1796 г., была направлена в конечном счете к постепенной ликвидации в этих областях польского населения и замене его немцами. Мероприятия эти касались не только основ общественно-политической и хозяйственной жизни польского народа, но нередко и его частной жизни.

Все управление в захваченных пруссаками польских областях было сосредоточено в руках немецких чиновников и полиции. Польское законодательство в основном было отменено и заменено прусскими законами. Польские законы были временно сохранены только для дел о наследстве и некоторых церковных дел. Поляки были лишены права участия в управлении, а польский язык везде — в учреждениях и судах был заменен немецким языком. Немецкому чиновничеству было подчинено не только всё гражданское население, но также и польское духовенство вплоть до выборов епископов и других высших духовных чинов церковной администрации и учреждений. Земли, принадлежавшие польскому католическому духовенству, и всё имущество польской церкви были отобраны немцами в казну. За исполнение церковных треб была установлена правительственная такса.

Была создан целый ряд стеснительных мероприятий и для польских землевладельцев. Прусское правительство установило строгий ограничительный контроль над польскими землевладельцами. Прежде всего были отменены все польские акты исследования вроде духовных завещаний, дарственных записей и т. п. Ни один поляк на территории прусских захватов не имел право ни получить в своё владение землю по наследству, ни приобрести любой участок земли без специального на то разрешения правительства и удостоверения полиции о благонадёжности. Польские помещики в своих имениях были лишены прав непосредственного управления своими крестьянами; для этой цели в польские имения были поселены немецкие чиновники. Польские школы были использованы как учреждения для германизации польской молодёжи; в школах был введён немецкий язык, в военных училищах (кадетские корпусы) немецкий язык был сделан главным предметом преподавания; для получения высшего образования польская молодёжь отправлялась в немецкие университеты, и только в 1804 г. в Варшаве был организован для поляков лицей, представлявший собой суррогат университета.

Наиболее интенсивную работу по германизации захваченных польских земель прусское правительство проводило по линии земледелия. Оно щедро раздавало прусским дворянам поместья, отобранными в первую очередь у польского духовенства; целой системой льгот оно поощряло к переселению на польские земли немецких крестьян из центральных районов Германии и заселяло польские города немцами-ремесленниками, оказывая им всевозможное материальное содействие по переселению и устройству на новых местах жительства. Благодаря этим мероприятиям, в короткий срок Польша наводнилась немцами-колонистами. Не ограничиваясь этим, прусское правительство приняло меры к обезземелению польских землевладельцев в целях передачи их владений немцам.

В этих видах прусское правительство охотно поощряло в польской шляхте старые, воспитанные веками свободной, обеспеченной жизни, бытовые привычки и склонность к роскошной жизни, к рагулу, кутежам и дебошам и т. п. и охотно принимало в заклад в своих банках и кассах за низкий процент польские имения. Эти земельные владения быстро совсем углябли из рук своих прежних владельцев путём продажи с публичных торгов и переходили обыкновенно в руки покупателей немцев.

Изложенные выше факты характеризуют начальный период германизации польских земель, захваченных Пруссией. На-

ступившие вскоре в Европе события, связанные с наполеоновскими войнами, задержали на некоторое время дальнейшее наступление немцев на польский народ, но по окончании наполеоновской эпопеи немцы с удвоенной энергией принялись за германизацию оставшихся в их руках польских земель.

Вместе с победами Наполеона польская шляхта стала возлагать на него свои освободительные чаяния и принимать активное участие в его предпринятиях. Наполеон давал полякам лестные, многообещающие заверения, но, преследуя свои завоевательные цели, считался прежде всего с Россией и Пруссией и держал Польшу в расстрой, используя её в качестве источника живой силы и продовольствия для снабжения армии.

После победы в 1805 г. при Аустерлице в Моравии над русскими и австрийскими войсками и при Иене в 1806 г. над пруссаками Наполеон обратился к полякам с призывом к восстанию, которое и вспыхнуло в Познани и в Калишском округе. Пруссия ответила на восстание жесточайшим террором, но восстание польского народа разостраивалось на всё новые и новые районы прусских захватов.

В декабре 1806 г. Наполеон был уже в Варшаве, оштрафовав пруссаков, и предъявлял польскому народу жесткие требования по снабжению французской армии, угрожая в случае неисполнения требований беспощадной расправой над польским народом. Вера в освободительную миссию Наполеона воздвигала польский народ, и он отдавал его армии последнюю горку своего хлеба.

После ряда побед Наполеона под Пултуском, Иловом и Фридландом и взятия без боя Данцига, в 1807 г. русским императором Александром был заключён с Наполеоном мир, известный под именем Тильзитского мира. На основании этого мира город Данциг (Гданьск) был объявлен волеями городов, а из части прусских захватов в Мазонии и Великой Польше было образовано Варшавское княжество со столицей Варшавой, с территорией в 180 квадратных миль и населением в 2 400 тысяч человек. На польский княжеский престол Наполеоном был возведён, с утверждением за ним права наследования, саксонский король Фридрих-Август. 22 июля 1807 г. Наполеон опубликовал «конституционную хартию» вновь созданного им Варшавского княжества, которая, между прочим, уравнивала в правах все сословия и отменяла крепостное право, но не обеспечила крестьян земель, в силу чего после наполеоновского освобождения обезземеленные польские крестьяне фактически оказались в худшем экономическом

ческом положении сравнительно с тем, в каком они находились при крепостном праве. Несмотря, однако, на многие несовершенства и ограничения народных свобод, согласно новому наполеоновскому монархическому порядку вещей, население Варшавского княжества было спасено от германизации и истребления.

Не увело население Варшавского княжества стать на ноги после своего освобождения от прусского ига, как его постигло новое несчастье: в 1809 г. на территорию Польши вторглись австрийские войска под командованием эрцгерцога Фердинанда и взяли Варшаву. Польский народ, однако, не пад духом. Польская армия перешла в наступление и заняла целый ряд городов вплоть до Львова и Кракова. Поднявшиеся одновременно на всей территории княжества народное восстание выгнало наглого захватчика из Варшавы, хотя и уступило ему 400 тысяч злотых контрибуции. Знаменитая победа Наполеона над австрийцами при Ваграме, закончившаяся Венским миром, положила конец австро-польской войне. По Венскому миру Польша вернула себе некоторую часть первого и второго австрийских захватов (Западную Галицию, незначительную часть территории около Кракова и Зембский округ), что составляло 960 квадратных миль с населением в 1,3 миллиона человек.

Летом 1812 г. началась франко-русская война. Наполеону удалось в этой войне привлечь на свою сторону польский народ, веривший в него, как в спасителя Польши, и польский народ верой и правдой служил Наполеону, иногда в действительности а не думавшему о восстановлении Польши. В походе на Россию в армию Наполеона приняла участие польская армия в составе 80 тысяч человек.

После Венского конгресса 1814 г., а также после мира, заключенного между европейскими державами в 1815 г., Австрия получила в свое владение королевства Галицию и Людомерно, Тернопольский край, территорию около Кракова и солонные копи Велички. За Пруссией были утверждены все ей захваченные польские земли, предусмотренные Тильзитским миром; ей же был возвращен и Данциг с его округом. Кроме того, Пруссия захватила великое княжество Познанское, образованное из Познанского и Вьдгошского департаментов Варшавского княжества. Краков с округом был объявлен вольным городом.

Австрия на захваченных ею польских территориях немедленно нагнала польский язык из всех правительственных учреждений, оставив его преподавание в качестве необязательного предмета в Львовском университете. Более внима-

тельной она оказалась к польской шляхте, разрешив ей носить народные мундиры и старопольские костюмы.

Прусский король Фридрих-Вильгельм III в специальном манифесте от 15 мая 1815 г. опубликовал самые широковещательные, подкупавшие обещания польскому народу, возвращавшие ему его национальные права и в области родного языка, и в области государственной службы, а в области местного самоуправления и др., но, конечно, по традиции немецких захватчиков, ничего из своих обязательств не исполнил; в частности, польский язык был изгнан даже из народных школ.

Ряд неудачных восстаний, организованных польскими эмигрантами — 29 ноября 1830 г., партизанский поход Заливского 1833 г., восстание 1846 г. и вспыхнувшая в том же году в Галиции кровавая крестьянская революция, направленная против польской шляхты, — привел к репрессиям и усилению реакции во всех частях бывшей Речи Посполитой, выразившейся, в частности, в ликвидации, согласно постановлению держав — участниц разделов Польши, Краковской республики. Преобразованная в великое княжество, она вошла в состав Австрии (6 ноября 1846 г.).

Февральская революция во Франции 1848 г., нашедшая отклик во всей Европе, вызвала новый подъем революционного настроения и среди польского народа. После мартовской революции в Берлине, в Познани организовался польский Народный комитет, получивший от прусского короля Фридриха-Вильгельма через специальную делегацию либеральные обещания в пользу польского населения княжества. На основании этих обещаний в Познани была создана смешанная комиссия из поляков и немцев для разработки проекта реорганизации княжеств. Одновременно с этим Народный комитет приступил к организации польской повстанческой армии, которая должна была бы принять участие на стороне прусского короля в случае предполагавшейся войны его с Россией. Сам прусский король едва ли мог серьезно думать в данный момент о такой войне. Приблизив от короля из Берлина в Познань генерал заверил поляков, что реорганизация страны в желаемом поляками духе, с предоставляемым им административных и судебных должностей, будет проведена, и предложил Народному комитету распустил повстанческие отряды или сократить их до 2800 человек. Народный комитет принял второе предложение и тем самым благодаря своей беспечности и слепому доверию к пруссакам остался с такими силами, с которыми начинать войну с Рос-

сией без Пруссии или даже с Пруссией было бы нелепостью. Но, свести свою армию к ничтожной цифре в 2 800 человек, Народный комитет тем самым обезоружил себя и для борьбы с Пруссией, а прусский король, как только разразившаяся над Германией революционная гроза миновала и наступили спокойные дни, не только забыл о реорганизации великого Познаньского княжества в духе, желательном для поляков, но своими военными силами разгромил и польских повстанцев.

Такая же печальная судьба постигла и аналогичные либеральные начинания Народного комитета польской императорской общечеловечности и австрийских захватчиков. С ликвидацией польского революционного движения в Познани, в Кракове и во Львове Австрия и Пруссия в своих польских захватах с ещё большим рвением перешли к пружей традиционной политике империалистической германизации славянских земель.

«Полстолетия назад, 20 апреля 1848 г., — пишет, между прочим, в своих воспоминаниях бывший германский имперский канцлер Бернгард Бюлов (1900—1909), — молодой помещик фон Шенгаузен сейчас же после мартовской революции поместил в «Magdeburger Zeitung» статью, в которой выступил против диких артефактов Познани, в ещё больше против sentimentalных и односторонних симпатий к Польше, наследственному смертельному врагу Германии. С пронизательностью гения, который выдлит в далёком будущем то, что в данный момент совершенно скрыто от близорукой толпы современников, Бисмарк, едва достигший тридцатипятилетнего возраста, предсказывал, что восстание в Познани «субъект лучшие стремления Пруссии», в то время как миллионы немцев будут предоставлены польскому произволу. Самостоятельная Польша будет «нашим неотъемлемым врагом, всегда готовым при каждом осложнении на Западе ударить нам в тыл, врагом, гораздо более жадным до завоеваний на наш счёт, чем русский император»¹.

Как мы знаем из предыдущей главы, пангерманизм играл в XIX веке важную и решающую роль в жизни немецкой буржуазной общечеловечности и в политике её руководящих правительственных верхов. Убедённым сторонником идей великодержавного пруссацкого пангерманизма и проводником их на практике во внутренней и внешней политике Германии на значительном протяжении XIX века был импер-

ский государственный канцлер Бисмарк. Главным объектом пруссацкого пангерманизмской тирании в Германии в это время были поляки в захваченных немцами Познани, Силезии и Восточной Пруссии, наиболее значительные из национальных меньшинств на территории Германской империи. Общую с поляками судьбу разделял и маленький, но культурно-национально мощный, но сложившийся в течение веков от диссидентства над ним немецкого ига, сербо-лужицкий народ.

После франко-прусской войны и немецких побед над французами в 1870 г. волна великодержавного пангерманизма захлестывает всё немецкое междоусобное общество сверху донизу и определяет собой основную линию внутренней и внешней политики германского правительства. Лозунгом этой политики по отношению к польскому народу на территории Познани, Восточной Пруссии и Силезии становится лозунг Бисмарка «истребить» (ausrotten). Бисмарку очень хотелось бы истребить всех поляков, не только потерявших силой исторических судеб, в результате разделов, код пруссаков его, но и поляков Царства Польского, истребить, захватить их территорию, заселить её немцами и превратить её в органическую часть германской территории, но он принужден был сдерживать свои каннибальские аппетиты, страх России. Страх перед русским народом, злополучные опыты на русском востоке немецких захватчиков средневековья — ливонских и тевтонских рыцарей, — неприятные воспоминания из истории русско-прусских отношений XVIII века, при Фридрихе II; злополучная, но весьма поучительная, судьба Наполеона с его «великой армией», — всё это диктовало Бисмарку вынужденную линию максимально сдержанного до поры до времени поведения по отношению к России, а в связи с этим и по отношению к польскому вопросу. Бисмарк настолько дорожил поддержанием добрососедских отношений со своим восточным соседом, — чтобы иметь развязанными руки на западе, — что в своей дипломатической игре с Россией болел даже затрагивать польский вопрос, чтобы не вызвать натянутых отношений с русским царём. Но с поляками Познани, Восточной Пруссии и Силезии он был у себя дома и мог свободно распоряжаться их судьбами по своему усмотрению, т. е. проводить в жизнь людоедскую политику их истребления.

Для этой цели прусское правительство под руководством Бисмарка предпринимало прежде всего ряд репрессивных мер по отношению к польскому католическому духовенству, которое поддерживало непосредственные связи с Римом и козловалось поддержкой Рима. Среди угнетённого поль-

¹ Бернгард Бюлов, Воспоминания, перев. с нем. глас. ред. и с предисл. В. М. Хвостова, Советки, М. — Л. 1936, стр. 123.

ского народа, в своей организации и по своим традиционным установкам, оно воплощало идею независимости от светской власти, т. е. от прусского насилия, и с точки зрения националистической денационализаторской политики прусской государственности в интересах германизации представляло собой государство в государстве, т. е. опасный прецедент, питавший и поддерживавший в польских массах идею национальной самостоятельности и независимости, не говоря уже о традиционном политическом влиянии польского национального духовенства, сильным на родине и тем более сильным на чужбине. Так как истребить сразу всех польских священников, а вместе с тем и польскую католическую церковь было нельзя, то прусское правительство в 1873 г. прибегло к системе ограничительных и репрессивных мер как по отношению к польской церкви, так и по отношению к польскому духовенству. Эти меры выражались в том, что духовенство было лишено права свободы проповеди, было отстранено от руководящей роли в школьном деле и т. п., но самыми интересными в системе этих мер, интересным как верха насильнического пруссацкого тупоумия, было введение преподавания в польских школах католической религии на непонятном для польских детей немецком языке! Это мероприятие вызвало решительный протест со стороны польской светской и духовной общественности, заявленный прусскому королю главой польской церкви, архиепископом Ледеховским. По распоряжению Ледеховского польские священники продолжали преподавать в школах религию на польском языке, за что были подвергнуты репрессиям со стороны прусских властей. В конце концов преподавание религии в польских школах было прекращено, а частное, внешкольное преподавание религии было запрещено правительством. Кроме того, прусским правительством был принят целый ряд других ограничительных мер по отношению к польской церкви, которые также бойкотировались польской общественностью, что привело к правительственным репрессиям по отношению к лояльному вообще Ледеховскому. Сначала он был лишён права к штрафу, а затем арестован, посажен в тюрьму и отстранён от должности. Ни Ледеховский, ни польская общественность не подчинились, однако, этому решительно прусского правительства и объявив бойкот предложили избрать на место архиепископа Ледеховского другое лицо. В результате единодушной и сплочённой оппозиции польской общественности прусское правительство так и не добилось отставки Ледеховского и, продержав его более двух лет в тюрьме выслаало из Пруссии.

Эта так называемая «культурная война», объявленная прусскими насильниками в 1837 г. польскому народу, закончилась в 1883 г. назначением на пост главы польской церкви в Пруссии гезенско-познаньского архиепископа немца, кёнига Дингера и отменой всех ограничительных мероприятий 1873 г.

От неудачно задуманной «культурной войны» с польским народом, которая прито не велась далеко не культурными средствами, пруссаки в целях истребления польского народа перешли к другим, более жестоким, крутым и бесчеловечным мероприятиям по отношению к польскому народу. С этой целью немецкие захватчики прежде всего стали массами выселять ни в чём неповинных поляков, без различия пола и возраста, за границу, лишая их земли, имущества и права жительства на своей исконно родной земле. В одном только 1883 г. из Познани и Западной Пруссии было выслаано, таким образом, 40 тысяч человек. Подобное насильственное разрежение польского населения захваченных немцами польских территорий сокращало и снижало, конечно, силу сопротивления польского народа насильнику.

Для более решительного наступления на польский народ в 1886 г. немцы создали в Познани специальную колонизационную комиссию, которая имела своей задачей скучку земель у польских земледельцев и целях передачи её затем немецким колонистам и помещикам. Для проведения случайных операций прусское правительство отпустило в распоряжение комиссии 100 миллионов марок. В 1898 г., при канцлере Готтеле, капитал комиссии был увеличен до 200 миллионов марок. Одновременно с этим в 1894 г. в Германии было создано черносотенное Общество покровительства немецкой национальности, ставившее своей задачей всемерное удушение польского народа в Познани и в Западной Пруссии путём организованного бойкота всего национально-польского: польских купцов, польских ремесленников, врачей, польского искусства и литературы, польских специалистов во всем областях знания и техники и т. д.

С 1898 г. прусские стали переименовывать на немецкий лад польские названия городов и сёл и усиленно преследовать польский язык.

Польский народ не оставался, однако, пассивным объектом прусских насильств над своей национальностью, но его голос протеста, возносившийся на парламентскую трибуну в Берлине, бесплодно тозил в чуждом ему свержном окружении господствующего немецкого большинства.

Как и все немецкие захватчики, предшественники кашлера

Бисмарк и все его последующие преемники — руководители имперской внешней политики Германии вплоть до первой мировой войны (Каприви, Гогенлоэ, Булов, Бетман-Гольвег), миссию свои подлинные захватнические планы, обыкновенно выдували туловищному немецкому обывателю мысль, что Германия находится в угрожаемом международном окружении. И в то время пока францы и ганцы пили по кабакам пиво и восторгались гениальностью своих правителей, последние превратили Германскую империю в тюрьму для народов и в военный стан разбойничьих банд для счастья и благополучия некоторых помещиков-юнкеров и капиталистов.

В цифровых нами выше «Воспоминаниях» канцлер Булов пишет:

«С самого начала германской истории мы вследствие нашего неблагоприятного географического положения в центре Европы были более подвержены опасности нападения, нежели какой-либо другой великий народ...

Нашим западным соседом был французский народ — самый беспокойный, честолюбивый, тщеславный, самый милитаристический из всех европейских народов; со времени последней франко-германской войны этот народ был отделен от нас пропастью, которую, как писал в 1913 г. один выдающийся французский историк, ничто, абсолютно ничто не могло уничтожить. На востоке нас окружали славянские народности, исполненные неприязни к немцу (?), который был для них учителем высшей культуры (?), и которого они преследовали (?) с той жестокой и злобной ненавистью, которую питает нескормый и грубый воспитанник к своему серьезному и достойному учителю (?).

Вот уж недливно, можно сказать, с большой точностью да на здравую! Если бы эти строки не принадлежали немецкому канцлеру, можно было бы подумать, что они взяты из какого-нибудь юмористического журнала. Булов, не моргнув глазом, рисует международное положение Германии накануне великой ею же мировой войны 1914—1918 г. как самой несчастной в мире страны, незаслуженно обгаемой, с одной стороны, «коварным» французским народом, а с другой, — исполненным неприязни к немцу славянскими народами, которые будто бы вечно преследовали немцев и притом преследовали «с той жестокой и злобной ненавистью, которую питает нескормый и грубый воспитанник к своему серьезному и достойному учителю». В приведенных выше словах звучит обычный для немецких захватчиков бесардонный цинизм, прусское высокомерие и разбойничья наглость по отношению к славянским народам, попирающая во имя захватни-

ческих интересов все человеческие законы и для прикрытия их рядящаяся в шкуру невинной овчки.

«В большей мере, чем к русским, — продолжает Булов, — это относилось к чехам, а в особенности к полякам (наиболее возмущаемые немцами захватчиками славянские народы на всем протяжении их истории — Н. Д.), которые еще со времени основания Болеславом Храбрым великого польского государства, т. е. с X века, сохраняли на наших восточные земли» (?).

Для характеристичности отношения к польскому народу со стороны империалистических германских кругов во время русской революции 1905 г. и ближайшего к ней времени представляют интерес высказывания по польскому вопросу последнего Гогенцолерна — Вильгельма II. Мечтая, воспользоваться революционными событиями в России, вмешаться в захватнические цели в русские дела, Вильгельм был уверен, что поляки, разумеется, будут пытаться распространить свои владения на север до моря, и в связи с этим решительно заявлял, что этого он никогда не допустит. «Они (т. е. поляки. — Н. Д.) могут распространяться, — говорил Вильгельм II, — на восток и на юго-восток, где у них имеются экономические интересы. Я уже говорил с Буловым и Бетман-Гольвегом, что в случае катастрофы в России мы не будем препятствовать осуществлению польской программы (восстановление королевства Польского. — Н. Д.). Тогда наступит момент, когда все польские помещики должны будут присягнуть мне. Кто не принесет присяги, должен будет покинуть прусскую территорию. Таким образом, мы лучше всего избавимся от неудобных польских элементов».

Цитируя эти высказывания Вильгельма, сделанные им в конце июля 1906 г. состоящему при нем представителю министерства иностранных дел, Булов утверждает, что принятое ему Вильгельмом изложение планов о восстановлении Польши есть будто бы продукт фантазии и болтовни Вильгельма. «Император в беседе со мной, — пишет Булов, — редко затрагивал польский вопрос, но при этом я никогда не упускал случая определенно заявить ему, что я считал бы восстановление самостоятельности Польши величайшей ошибкой, какую только можно совершить в прусской и вообще в германской политике. Польское государство на нашей восточной границе, неоднократно говорил я ему, являлось бы естественным союзником нашего незыблемого брата на западе, и польская армия в Виршаве была бы

¹ Булов, Воспоминания, стр. 26.

равносилына пребыванию французских войск и на нашем восточном фронте»¹.

Непримиримый враг польского народа, Биолов, ответственный руководитель внешней политики Германии с 1900 по 1909 г., резко отрицательно относится не только к проблеме польской независимости, но и к малейшему намёгу на возможность для польского народа свободной и независимой национальной государственности и с этой точки зрения решительно осуждал польскую политику своего преемника, канцлера Бетман-Гольвега, которая, по собственному признанию Биолова, называла в нём «тревожные опасения». «Ещё в августе 1915 г., — пишет Биолов в своих «Воспоминаниях», — он (Бетман-Гольвег, — Н. Д.) в своей речи в рейхстаге без всякой надобности выразил надежду, что оккупация нами восточных границ Польши является началом того развития, при котором исчезнут прежние противоречия между немцами и поляками и для освобождения от русского ита польского государства наступит счастливое время, когда оно будет иметь возможность развивать особенности своей национальной жизни. Такое развитие казалось господину фон Бетману благороднейшей военной целью Германии. Но это им подготовленное «счастливое развитие», — замечает Биолов, — привело к тому, что мы у себя на восточной границе искусственно создали и вырастили смертельного врага, который отнял у нас обширные и богатые области, более столетия принадлежавшие Германии (глубокая давность! — Н. Д.), грабит и насилует немцев (?) и в качестве наемника Франции готов нас задвинуть. Я ещё в 1915 г. слышал, что Бетман эту свою неразумную и злополучную полуофициальную речь произнёс вопреки возражениям всех прусских министров и вопреки протестам консерваторов, национал-либералов, а также предусмотрительных представителей свободомыслящих и центра»².

В 1916 г. австрийское правительство потребовало присоединить русскую Польшу к Австро-Венгрии. В ответ на это требовашие в германских правительственных кругах возникла мысль о создании из отнятых у России польских областей польского государства. В связи с этим Бетман-Гольвег в августе 1916 г. договорился с австрийским министром Бурианом о создании особого польского королевства, в состав которого должны были войти не только германская и австрийская части Польши, но также и аннексированный кусок

русской Польши для «исправления» границ Восточной и Западной Пруссии в стратегических целях. По этому же плану центральные держав, восточная граница Польши должна была пройти возможно дальше на восток. Запротестированное таким образом маршноточное польское королевство не должно было иметь ни самостоятельной внешней политики, ни армии. В экономическом отношении Польша ставилась в тесную связь с Германией и Австрией. Как известно, 5 ноября 1916 г. польская независимость была проklamирована центральными державами³.

Когда в 1917 г. в Берлине распространился слух о том, что образование польского королевства последовало по желанию Гинденбурга и Людендорфа, Гинденбург на специальный запрос по этому поводу категорически ответил, что «о создании этого исчадия» он узнал позднее состоявшегося соглашения между Бетманом и австро-венгерским министром иностранных дел Бурианом⁴.

Когда немецкий генерал-губернатором был назначен в Варшаву генерал Безелер, усвоивший, повидимому, по отношению к полякам либеральную политику, это вызвало негодование экс-канцлера Биолова. «Он не дорос до того», — пишет Биолов, — чтобы противостоять польской хитрости и двуличности. Однако и Безелер поддался всецело под польское влияние лишь после того, как его направил на этот путь имперский канцлер Бетман. Надеюсь, что Безелер понял свою ошибку и в ней раскаялся, когда нам изменило военное счастье и поляки, до того постоянно ему ласкавшие, сразу перекинулись в лагерь Антанты, с которой они давно уже вели переговоры за нашей спиной. Опять оказался прав Бисмарк, который с первого до последнего дня своей политической карьеры считал поляков прирождёнными и опаснейшими врагами прусского государства и германизма»⁵. Биолов характеризует польскую политику своего преемника Бетман-Гольвега как «бессмысленную» политику, восстановление Польши называет «неслаженной глупостью», «спределением против отечества», «страшнейшей ошибкой». «Без преувеличения могу сказать, — пишет Биолов, — что это была величайшая политическая ошибка, какую когда-либо совершил государственный деятель»⁶.

¹ Биолов, Воспоминания, стр. 321.

² Там же, стр. 488.

³ Биолов, Воспоминания. Приложение 104.

⁴ Там же, стр. 488.

⁵ Там же, стр. 489.

⁶ Там же, стр. 491.

Разбойничье нападение австрийских немцев на сербский народ в 1914 г.

*

Подготавлившиеся в течение всего XIX века германскими и австрийскими пангерманистами планы захвата западных славянских областей на Балканском полуострове впервые получили осуществление в 1876 г., когда знаменитое русско-турецкое войско, по секретному соглашению австрийского правительства с царской Россией, Австро-Венгрия получила право оккупировать две турецкие провинции, принадлежавшие Турции, — Боснию и Герцеговину. Берлинский конгресс в 1878 г. утвердил эту оккупацию, и хотя Босния и Герцеговина продолжали оставаться формально турецкими провинциями, фактически они перешли во власть и под управление Австрии.

Хозяйничанье австрийцев в славянских областях носило характер откровенного разбоя, грабежа и насилий над местным населением. Под разными предлогами австрийские немцы реквизировали у местного населения землю и лишали босняков и герцеговинцев всех прав самоуправления, добывая народом в вооружённых восстаниях против турецкого владычества. Успеху хозяйничанья австрийцев в Боснии и Герцеговине помогало австрофильское сербское правительство Милана Обреновича, ставшего слепым орудием коварной захватнической политики Австрии на Балканском полуострове. Она вооружила Милана против России, натравива его на Болгарию, опутала сербский народ колоссальными долгами, получила право проводить через сербскую территорию свои войска, всецело подчинила Сербии своему экономическому влиянию, захватила в свои руки всю её внешнюю торговлю, её железнодорожное строительство и пр. и пр., словом, превратила Сербия в свою колонию, в которой сербский народ задыхался от непосильных налогов.

Нараставший с каждым годом всё больше и больше народный протест против Милана и его австрофильской правительственной шайки привёл в конце концов в 1889 г. к отречению Милана от престола. Положение вещей в Сербии при преемнике Милана, его несовершеннолетнем сыне Александре, ухудшилось ещё больше. В ночь на 29 мая 1903 г. Александр Обренович вместе со своей женой были убиты

во дворце. Скупщина (парламент) избрала королём Петра Карагеоргиевича.

Несмотря на попытки нового правительства вырвать сербский народ из когтей хищника, Австрия продолжала свой захватнический нажим на Сербия и осенью 1908 г. аннексировала Боснию и Герцеговину. Над сербским народом нависла серьёзная угроза вторжения на территорию страны австро-венгерских войск. Наглый захват Австрией Боснии и Герцеговины был встречен решительным протестом со стороны сербского народа, но так же решительно он был поддержан Германией, выступившей по адресу сербского народа с угрозой военного вмешательства в случае противодействия австрийскому захвату. Под воздействием этих угроз сербский народ вместе с прочими австрийскими и балканскими славянами формально примирился с австрийской аннексией Боснии и Герцеговины, но по существу вёл напряжённую работу по собиранью своих сил для того, чтобы дать отпор немцам захватчикам, готовившимся уже в 1912 г. к военному вторжению на территорию Сербии и к походу на Салоники.

В результате этой работы по объединению славянских народов Балканского полуострова в целях противодействия обострившейся денационализаторской политике Турции и захватническим устремлениям на Балканах австро-немецких хищников возникла в 1912 г. первая балканская коалиция в составе Сербии, Болгарии и Греции.

9 октября 1912 г. началась первая балканская война. Известные победы сербского народа в турецкой Македонии и занятии порта Дурazzo на Адриатическом побережье были встречены в Австрии и Германии как явное угрозы их захватническим планам на Балканах и на Адриатическом побережье. Австрия стала готовиться к войне, мобилизовала свои сухопутные и флот и направила на сербов своего агента, болгарского царя Фердинанда и его германофильскую свору.

28 июня 1914 г. в городе Сараеве (Босния) был убит австрийский эрцгерцог Франц-Фердинанд, а 23 июля Австро-Венгрия предъявила Сербии дерзкий по содержанию и наглый по тону ультиматум. Героический сербский народ отклонил ультиматум насильем. Австро-Венгрия порвала дипломатические отношения с Сербией и 29 июля открыла бомбардировку Белграда. 1 августа Германия объявила войну России, а 6 августа её примеру последовала и Австрия. Так началась первая мировая война, стоившая сербскому народу неисчислимых жертв и страданий.

Наступление на Сербию австрийцы начали 12 августа. Сербская армия мужественно и стойко встретила первые удары значительно превосходящих сил врага и в первых же боях 16—24 августа прервала австрийский фронт, заставила противника в беспорядке отступить в долину реки Ядара, притока Дрина, взяла 50 тысяч пленных и многочисленные трофеи и запасы.

7 сентября австрийцы начали второе неудачное наступление на сербов, закончившееся в декабре разгромом австрийцев и беспорядочным отступлением их за Дунай. Белград был освобождён от врага, и вся Сербия была очищена от неприятеля. Так же скандально провалилось и третье наступление австрийцев в декабре 1915 г. Захваченный на 10 дней Белград был очищен сербскими войсками от интерентов, и австрийцы были выброшены из страны, причём сербам было взято в плен 66 тысяч австрийских солдат и офицеров и захвачено 176 пушек, 70 пулемётов и множество другого военного имущества.

К осени 1915 г. сербская армия насчитывала 200 тысяч, австро-германско-болгарская под командованием генерала Макензеля — свыше 500 тысяч. «Судьба сербской армии и сербского государства была таким образом предопределена». Создававшаяся на театре войны неблагоприятная для сербов обстановка заставляла сербское командование принять «единственное оставшееся ей решение — отступить в юго-западном направлении на Черногорию и Албанию». Австрийцы наступали вслед за отходящими сербами, с успехом выдерживавшими сильные атаки неприятеля. Историческое отступление сербской армии и сербского народа (мужчин, женщин, стариков и детей) проходило в невероятно тяжёлых условиях и материальных лишениях через македонские и албанские города Илек, Призрен, Дибра и Эльбасан к Дураццо и Сан-Джованни ди Медуа на Адриатическом побережье, где остатки сербской армии в числе около 120 тысяч человек были посажены на суда союзников и перевезены на остров Корфу.

Вместе с армией отступали на Скутари пешком по тропинкам через трудно проходимые Албанские горы сербский генеральный штаб и правительство во главе с премьер-министром Пашичем и причём Александром. Среди сербских войск в количестве 30—40 тысяч и сотни тысяч беженцев, преодолевших все трудности пути и добравшихся до Скутари, начался голод, причём доставить им продукты через Сан-Джованни ди Медуа или Вому не было возможности.

Сербам в Скутари, преследуемым неприятелем, угрожала массовая гибель от голода. В середине января 1916 г. сербское правительство во главе с Пашичем прибыло на остров Корфу, куда стали собираться и отдельные части сербской армии, совершенно выбившиеся из сил и крайне истощённые. Многие из них погибли в пути, а многие умерли по прибытии на Валону, откуда морским путём им предстояло переправиться на остров Корфу. Все трудности и лишения, связанные с отступлением сербской армии на Адриатическое побережье, вместе с армией в народом разделял и престарелый аристократ Пётр Карагеоргиевич. Прибывшая на Корфу сербская армия, отдохнувшая после перенятых испытаний, голода и болезни, связанных с отступлением в исключительно тяжёлых условиях, была реорганизована и к середине июля 1916 г., по отзыву, данному французскому премьер-министру Пуанкаре вернувшись с Корфу адмиралом де Гейдолом, произвела на него прекрасное впечатление¹.

Реорганизованная на Корфу сербская армия вскоре в числе 10 тысяч человек вошла в армию союзников, действовавшую в Македонии.

Между тем наступавшие на сербскую территорию австрийские войска учинили над мирным беззащитным населением сербских областей, согласно инструкции командования, жестокую расправу. Австро-Венгрия захватила территорию Сербия и Черногория и с исключительным рвением стала проводить политику угнетения и денационализации сербского народа. Официальным языком был объявлен немецкий; сербский язык, родной язык населения, был запрещён; учителя сербы и черногорцы были изгнаны из школ; обучение детей проводилось на венгерском языке; славянская кирилловская азбука была заменена латиницей; все сербские газеты были закрыты, равным образом было прекращено и издание книг на сербском языке; сербское православное духовенство подвергалось всевозможным преследованиям и т. п. Сербский народ, однако, как в Сербии, так и в Черногории оказывал стойкое сопротивление политике оккупации: родители бойкотировали немецкие школы, а молодёжь демонстративно распеваля сербские песни. Немцы сажали детей и юношей в тюрьмы, подвергали их истязаниям, но молодёжь продолжала петь свои родные песни. Немцы закрыли все сербские газеты, но сербы, преодолевая надзор австрийских жандармов, печатали свои газеты в подпольных типографиях или

¹ Р. Пуанкаре, На службе Франции. Воспоминания за 9 лет, т. 1—111, 1936.

¹ А. Зайончковский, Маршал войны 1914—1918 гг., т. 1—11, в. 1938.

провоцили их через линию фронта из-за границы и т. п. Население всех оккупированных сербских областей и районов было лишено самых элементарных политических прав и трактовалось немцами как преступный элемент, поставленный вне закона, по отношению к которому были допущены все меры жестокости, аресты, изгнания и казни по самому ничтожному поводу и даже без всякого повода. Население Сербии и Черногории было ограблено немцами до ниточки. Они отобрали у крестьян все запасы продуктов, и над богатой сельскохозяйственной страной навис голод. За отсутствием трудоспособных мужчин, которые ушли в горы в партизанские отряды, немцы обрели на возмездительные работы стариков, женщин и детей начиная с восьмилетнего возраста и за малейший промах в работе подвергали всех, без различия пола и возраста, жесточайшим изгнаниям.

На безудержный террор оккупантов сербский народ ответил массовыми выступлениями партизанских отрядов и беспощадной местной врагу.

В этой обстановке в мае 1917 г. в Лондоне организовался Юго-славянский национальный комитет, в состав которого вошли представители баджанских и австрийских сербов, хорватов и словенцев. 20 июня 1917 г. комитет опубликовал декларацию об отделении всех южных славян от Австро-Венгрии и о создании единого объединённого, свободного и независимого сербо-хорвато-славянского государства. В то же время сербские и черногорские партизаны продолжали наносить австро-немецким войскам все более и более чувствительные удары, а наступавшая с юга македонская армия союзников, в которую входили шесть сербских дивизий, теснила немецких варваров к северу, постепенно очищая от них доглы разорённую и ограбленную неприятелем страну.

«15 сентября после артиллерийской подготовки, продолжавшейся 24 часа, 3 сербские дивизии атаковали болгар в районе Ветреник — Сокол и после кровопролитнейшего боя прорвали их фронт. Сопротивление болгарской армии было сломлено, разлагавшаяся армия их стала отступать, а наступление союзников быстро развивалось. В этом наступлении союзниками была взята в плен 11-я германская армия.

Дорога на Софию была открыта союзникам; болгары 28 сентября просили перемирия и 29-го капитулировали, приняв все предложенные им условия. 3 октября царь Фердинанд принуждён был отречься от престола, и Болгария первая открыла брешь в коалиции центральных держав. Прямое сообщение Германии с Турцией было прервано, и, вrome

того, салоникская армия начала угрожать тылу германских войск, занимавших Румынию»¹.

Таким образом, решающую, инициативную роль в ликвидации Балканского неприятельского фронта сыграла сербская армия: своим прорывом болгарского фронта она положила начало концу мировой войны 1914—1918 гг. на Балканском полуострове. После этого окончательная победа героической сербской армии над немецкими захватчиками в общем фронте союзников, наступавших на неприятеля в целях очищения от него оккупированных территорий полуострова, была обеспечена. 12 октября 1918 г. сербы заняли Ниш, а 1 ноября вошли в родную столицу Белград.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Разгром немецких интервентов на Украине в 1918 г.

Несмотря на то, что Ледовое побоище в 1242 г. и Грюновальдская битва в 1410 г. дали в своё время немецким захватчикам — ливонским и теутонским рыцарям — наглядные уроки крайней серьёзности последствий их авантюрных предприятий на русском Востоке, тем не менее сумасбродные захватнические планы немецких завоевателей в XVIII—XX веках неудержимо влекут их на славянский Восток, где так называемые прибалтийские губернии и Балтийское побережье не дают им покоя. В течение всего XIX и в начале XX века в империалистической Германии на эту тему пишется сотни книг и статей, ведётся пангерманистами самая широкая пропаганда и агитация в пользу военных захватов в России и немецаются конкретные территории, которые, по мысли германских империалистов, должны войти в состав Германии. Это Литва, Волынь, Подолия, Новороссия с Крымом, Приволжье, Псков, это «балтийские княжества», королевство Польша, «королевство Рутения», т. е. Украина, и т. д.

¹ А. Зайончковский, Мировая война 1914—1918 гг., т. II, 1938, стр. 257.

В 1906 г. в связи с революцией 1905 г. и последовавшими затем событиями в России Вильгельм II заявил, что «если в России вскоре всё пойдёт вверх дном и там будет подготавливаться образование целого ряда федеративных республик, то я ни в коем случае не оставлю балтийские провинции на произвол судьбы, а приду им на помощь; они должны быть присоединены к Германской империи»¹. Устами Вильгельма II в начале XX века говорят, как мы видим, старые захватнические традиции «эсов-рыцарей» немецкого средневековья. Они же непреодолимо толкали немецких империалистов в 1918 г. на вооружённую интервенцию на территории Советской России по старому пути немецких рыцарей в направлении на Псков, где молодая доблестная Красная Армия наносит им 23 февраля сокрушительный удар.

Несмотря, однако, на этот поучительный урок, захватная мечта немецких захватчиков XIX—XX веков — завоевать Россию и превратить её в немецкую колонию — не выходит из их головы и вновь оживает в гитлеровском диком плане «исходной войны» против Советского Союза. Вероломно вторгшись 22 июня 1941 г. на территорию Советского Союза, Гитлер самоуверенно заявляет: «Мы начнём там, где закончили 600 лет назад», подчёркивая, таким образом, ещё раз захватнический характер войны гитлеровской Германии против Советского Союза, но предумышленно умалчивая при этом о той печальной катастрофе, которой 600 лет тому назад, т. е. в 1410 г., закончилась преступная восточная авантюра тевтонских рыцарей.

Пять веков спустя после Ледового побоища, в конце XVIII века, как мы уже знаем из предыдущего изложения, прусский король Фридрих II рекомендовал в своём завещании преемникам поддерживать дружбу с Россией, как с самым опасным из всех соседей Пруссии. Это завещание Фридриха II хорошо помнили ответственные руководители внешней политики Германии в течение всего XIX века вплоть до Вильгельма II и оставили в 1890 г. канцлера Бисмарка, который, как умный политик и дальновидный дипломат, вовсе не настроенный дружески к России, последовательно, тем не менее, хотя и вынужденно, проводил в своей деятельности политику добрососедских отношений с Россией.

Со времени отставки Бисмарка немецкий империализм, имея в лице Вильгельма II пламенного сторонника захватнических планов немецкого пангерманизма, начинает решительно возстраивать свои когти против России, и на страницах

германской прессы начинают усиленно дебатироваться проекты захватов на русском востоке.

Высший германский канцлер Берггард Бюлов (1900—1909), четвёртый после Бисмарка имперский канцлер Германии, подчёркивает, между прочим, в своих «Воспоминаниях», что Брестский мир (1918) со всеми неустойчивыми контурами и неограниченными возможностями на будущее пробудил в Германии у слишком многих надежду на территориальные приобретения, и приводит несколько характерных в этом смысле фактов, вроде того, например, что крупный вюртембергский помещик герцог фон Ульрих хотел стать литовским королём; что шурин Вильгельма II, принц Фридрих-Карл Гессенский претендовал на финляндскую корону; что император Вильгельм II, которому рассказали о великодушной даче в курляндских лесах, желал приобрести для себя в виде поместья и окрестного уголка герцогство Курляндское и уже набросал рисунок герба, который он должен был получить в качестве герцога курляндского. «Казалось, — замечает Бюлов, — что в германских династиях незадолго до их падения ещё раз, как западное влечение, проявилась их вековая жажда и страсть к территориальным захватам»¹.

Бюлов не был ни великодушным, ни революционером, но он ядро смотрел на вещи и правильно оценивал международное положение Германии. Поэтому показание Бюлова о вековой жажде и страсти германских династий к территориальным захватам, которая, по его мнению, как будто ещё раз проявилась в них, как западное влечение, незадолго до их падения, представляет собой исключительно ценное показание в том отношении, что оно прекрасно парирует все попытки германских империалистических кругов сблизить с себя обвинение в агрессии против Советского Союза и представить себя перед лицом мирового человечества в качестве свидетеля от якобы угрожающей всему миру большевистской опасности.

Спустя 700 лет после бесплодной попытки немецких рыцарей захватить в свои лапы Псков и Новгород, мы вновь видим тот же Псков времени захватнических немецких интервенций в 1918 г., но молодая, только что родившаяся в том же году Красная Армия, армия революционного народа, наносит сокрушительные удары по обнаглевшим ордам вооружённых до зубов довоенных немецких «эсов-рыцарей» Гвиденбурга и Людendorфа, как 700 лет тому назад

¹ Бюлов, Воспоминания, стр. 320.

¹ Бюлов, Воспоминания, стр. 569 и сл.

здесь же, на северо-западном фронте России, был нанесён русским народом сокрушительный удар люксовским рыцарям.

С первых же дней победы Октябрьской революции советское правительство предложило «всем воюющим народам и их правительствам немедленные переговоры о справедливом демократическом мире». Когда Англия и Франция ответили на это предложение отказом, советское правительство решило приступить к переговорам с Германией и Австрией. Переговоры начались 3 декабря 1917 г. в Брест-Литовске. 5 декабря было подписано соглашение о перемирии, о временном прекращении военных действий, но 10 февраля переговоры были прерваны. Вопреки прямым директивам советского правительства и личным указаниям Ленина предатель Троцкий¹ отказался подписать мирный договор. Германское правительство, делая мечту захватить в свои хищнические лапы как можно более обширную территорию бывшей царской России, а Польшу, Украину и прибалтийские страны превратить в зависимые от Германии государства, воспользовалось прекращением мирных переговоров и 18 февраля перешло в наступление по всему фронту от Финляндии и до Кавказа. Остатки старой царской армии не выдержали натиска немецких войск. Не встречая серьёзного сопротивления на своём пути, немцы продвигались очень быстро вперёд, захватывая огромную территорию и угрожая Петрограду.

Вторгшись в Советскую страну, немцы ставили себе задачей свергнуть советскую власть и превратить Россию в свою колонию. 18 февраля 1918 г. по предложению Ленина была послана германскому правительству телеграмма с предложением немедленного заключения мира. Чтобы обеспечить наиболее выгодные условия захвата русской территории, немцы продолжали наступление и только 22 февраля дали согласие подписать мир, причём немецкие условия мира на этот раз оказались гораздо тяжелее первоначальных. Используя максимально слабость молодой, ещё не окрепшей Советской республики, немецкие империалисты, по обыкновению, нарушили торжественно данное обещание заключить мир без аннексий и контрибуций и навязали Советской стране грабительский Брестский мир, который Ленин назвал «бесконечно унижаемым миром»². Согласно этому миру, Латвия, Эстония, не говоря уже о Польше, отошли к Германии. Украина

отделялась от Советской республики и превращалась в вассальное (зависимое) немецкое государство. Советская республика обязалась платить немцам контрибуцию.

На эти важные условия Брестского мира молодая Советская республика ответила мощным революционным подъёмом в стране и усиленным формированием частей Красной Армии.

Молодые отряды новой, молодой армии революционного народа героически отражали натиск немецкого хищника и уже 23 февраля 1918 г. дали немцам интервентам под Нарвой и Леховом решительный отпор, чем было приостановлено дальнейшее продвижение неприятеля на Петроград. Днём 23 февраля, когда молодая героическая Красная Армия дала свой первый отпор наглому немецкому врагу славянских народов, немецким захватчиком, стал днём рождения Красной Армии, который советский народ в текущем 1943 г. с восторгом отметил как славный день её 25-летия¹.

Между тем, по «договору» с белогвардейской Украинской радой в феврале 1918 г. немецкие интервенты ввели свои войска на территорию Украины и стали здесь при поддержке украинских националистов развивать обычные методы своего хозяйничанья в оккупированных странах, т. е. беспощадно грабить страну и народ и жесточайшим террором расправляться с «беспокойным» элементом².

Немецкие оккупанты держали себя на Украине, как в завоеванной стране, и вовсе не скрывали свои расматривать свою оккупацию как временное пребывание. Они смотрели на Украину, как на территорию, исключительно включённую в состав Германской империи на правах немецкого генерал-губернаторства или протектората, т. е. как на свою колонию, в целях максимальной выкачки из неё хлеба, угля и металла.

Германский посол в Киеве Муми, комментируя лично штаба группы армий Эйхгорна, занимавших Украину, писал 9 мая 1918 г. министру иностранных дел: «Я согласен с тем, что мы не должны проводить политику, сводящуюся лишь к нашему «сближению в дружественной стране». Но помимо этого я считаю необходимым поддерживать на Украине фикцию самостоятельного дружественного нам государства постольку, поскольку это совпадает с нашими интересами. Такая политика обусловлена многими причинами, из которых приведу следующее: необходимо считаться с

¹ Подробнее см. «Краткий курс истории ВЛКСМ», тл. VII.

² Подробнее по тому о германской оккупации Украины и расправе оккупантов украинским народом и Красной Армией см. в книге «Очерк германской оккупации на Украине. По данным документов оккупантов», Огиз, 1936.

¹ Бывший председателем советской делегации.

² См. «Краткий курс истории ВЛКСМ», тл. VII; Ф. Н. Готлиц, Разгром германской армии в 1918 г., изд. Академии наук СССР, 1941.

общественным мнением; у нас, а также в нейтральных и враждебных нам странах; необходимо считаться с авторитетом украинского правительства среди населения, который мы потеряем, если слишком резко покажем, что оно (правительство) является только куколкой в наших руках, а правительственные распоряжения обслуживают исключительно наши интересы».

28 апреля немцы разогнали Центральную раду, 29 апреля назначили генерала Скоропадского «всероссийским гетманом».

Гетманское правительство «самостоятельной» Украины во главе со Скоропадским формировалось даже не главным командованием немецких армий на Украине или немецким посланником, а второстепенным агентом немецких оккупантов — генеральным немецким консулом в Киеве Тилем, который 17 октября вместе со Скоропадским «набрал» список министров, обсуждённый затем в тот же день на созванном им совещании, на котором присутствовали Скоропадский, Лизогуб, Пылтов и консул Тиль. Это говорит о том, как мало значения немцы придавали украинскому правительству, которое они рассматривали только как «куклу» в своих руках, терпящую до поры до времени по дипломатическим соображениям и необходимую им для выполнения основной задачи оккупантов — грабежа украинского народа.

В сотрудничестве с созданным таким образом правительством гетмана Скоропадского, при поддержке украинских националистских партий немецкие варвары превратили эту Украину в свою колонию, а украинский народ — в своих рабов, обречённых на голод, нищету, насилья, на режим виселиц и расстрелов.

28 февраля 1918 г. начальником одной из немецких дивизий опубликовал по городу Кременчу следующую приказ:

«1. Всем офицерам, врачам, чиновникам и солдатам кременецкого гарнизона немедленно надеть свою прежнюю форму и погоны, чтобы видна была на каждом его часть, звание или чин».

2. В городе и в округе должен быть полный порядок, и всякие эксцессы будут ликвидированы по всей строгости военных законов».

3. За каждого убитого или раненого германского или польского солдата будут немедленно расстреляны первые попавшиеся десять русских солдат или жителей».

4. Разгром продовольственных складов и цейхгаузов и всякое уничтожение и порча казённого имущества несут за собой для виновных немедленную смертную казнь».

Требую немедленного исполнения означенного приказа, ибо

всякое уклонение от него повлечёт за собой самые суровые меры».

Телефонограмма из штаба армий Эйхгорна, захвативших Украину, на имя главнокомандующего восточным фронтом от 4 мая 1918 г. говорила, между прочим, следующее: «Главное командование позаботится о том, чтобы малейшие беспорядки были в корне подавлены самым решительным образом. В этих случаях оно будет пользоваться поддержкой своего правительства... Вести развлекательную пропаганду в этой стране самой невероятной фантастикой было бы, конечно, хорошо, но практически влияние этой пропаганды распространяется очень медленно. Главное командование считает более целесообразным передать германскому полевому суду всех занимающихся распространением ложных слухов, угрожающих общественному порядку и безопасности».

Но на попытки немецких хищников захватить Украину в свои лапы ничего не вышло. Их варварские полчища неожиданно для себя наткнулись на Украине на героическое и непреодолимое сопротивление рабочих и крестьян. Рабоче-крестьянская Украина встретила немецких оккупантов вооружённым народным восстанием против кровавого насилья. «Враждебное отношение крестьянского населения, которое при реквизиции фуража и хлеба не останавливается перед вооружённым выступлением против наших войск, продолжает расти», — доносили 9 марта 1918 г. командованию восточного фронта полковник фон Штольценберг. — Наши войска предостережены исключительно самим себе и вынуждены защищать свою жизнь, несмотря на то, что находятся в стране, в которой заключён мир. Следует учесть для дальнейших операций, что в связи с создавшимся положением в любой момент могут возникнуть открытые военные столкновения, хотя бы и в форме партизанской войны».

«Против известного шага, идущего с запада, — писал товарищ Сталин в марте 1918 г. — Советская Украина должна иметь освободительную отечественную войну, — такъв смысл событий, разгравивающихся на Украине».

Это значит — каждый пуд хлеба и каждый кусок металла придётся брать германцам с бою, в результате отчаянной схватки с украинским народом¹.

«Германия хвалялась во время Брестского мира, — говорил Ленин в июне 1918 г., — когда заключала насильственный эксплуататорский, основанный на насилья, на угнетении народов, Брестский мир, германские капиталисты хвалялись,

¹ Сталин, Статьи и речи об Украине, стр. 40.

что они дадут хлеб и мир работягам. А теперь понижают хлебный паёк в Германии. Продовольственная кампания в богатой Украине оказалась по общему признанию крахом»¹.

Предчувствуя неминуемый крах всей украинской авантюры, оккупанты уже с марта 1918 г. начинают готовить общественное мнение Германии к этому краху заготовляемым в печати действительными положениями вещей на Украине, призывами не верить «одно преувеличенным слухам о неисчерпаемых запасах продовольствия на Украине».

Борьба украинского народа против немецких хищников, организовавшая и руководимая партией Ленина — Сталина, приняла к лету 1918 г. настолько тяжёлый для оккупантов характер, что им ничего не оставалось делать, как немедленно начать подготовку эвакуации немецких войск с Украины. Сделав с эвакуацией немцы запоздали, и под беспощадными ударами партизанских отрядов и Красной Армии она вылилась в конце концов в поворное, паническое бегство наглого врага, запятого себя убийствами, виселицами, расстрелами и мародёрством беззащитного населения Украины.

«Около 300 тысяч солдат, — писал один из участников этой позорной военной экспедиции немецких варваров на Украину, — вышедших на подчинения своим начальникам, устремились на родину через страну, охваченную восстанием, в которой больше не существовало ни авторитета, ни порядка, где царил произвол и партизанская война. Впереди была суровая русская зима, всюду нас окружали враги... Армия была обезоружена, разорена, ограблена... То была неопытная картина нищеты и страданий в суровых снежных пустынях России».

9 ноября 1918 г. в Германии вспыхнула революция. К этому времени армии оккупантов Украины находилась в состоянии полного разложения.

11 ноября главнокомандующий восточным фронтом отдал приказ об эвакуации германской армии с Украины. Намеченный, однако, командованием план эвакуации был сорван действиями партизанских отрядов: партизаны разрушали железные дороги, уничтожали телефонную связь. «Продвижение наших войск на родину, — пишет тот же автор, — всецело зависело от доброй воли повстанцев».

Утратившая какую бы то ни было дисциплину, разложившаяся и мародёрствующая орда немецких оккупантов пре-

враталась в полчища преступников, воров, убийц и грабителей, беспощадно преследуемых партизанами.

«На длительное время, — телеграфировал штаб 9-го ландштурмского полка, отказавшегося исполнять приказание командиров, — поддержание спокойствия не можем гарантировать. Настроение войск заметно ухудшается».

Таким образом, прекрасно вооружённая армия немецких варваров, оккупантов Украины была разгромлена и с попором, в беспорядке, спасая свою шкуру, бежала за границу. Это был хороший выгладный урок, данный высокомерно завысившемуся негодню-хищнику украинским народом, но и этот урок, очевидно, не послужил ему на пользу, и, собравшись с силами, он вновь в июне 1941 г. преступно вторгся на советскую территорию, чтобы получить здесь четвёртый и последний урок, который навсегда положит конец коварным замыслам кровожадного хищника и решительно избавит советский народ и всё передовое человечество от зверств и насилий кровавого фашизма.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Борьба белогорского народа с немецкими интервентами в 1918 г.

*

Одновременно с вторжением на территорию Украины немецкие захватчики «бросились на белорусский народ и в ночь с 21 на 22 февраля 1918 г. заняли столицу Белоруссии город Минск. Немцы свергли в Белоруссии советскую власть и восстановили во временно оккупированных ими районах дореволюционный буржуазно-помещичий строй во главе с контрреволюционной Белорусской радой, которая усердно помогала оккупантам грабить и угнетать народ.

Белоруссия была объявлена на военном положении и передана в безраздельную власть немецкой военной. Жителям было запрещено свободно переходить из деревни в деревню, — для этого надо было брать специальную пропуску у коменданта, внося за пропуск плату и оставляя залог. По вечерам

¹ *Левин, Сов., т. XXIII, стр. 79—80*

и ночью жителям было запрещено отлучаться из дому. По отношению к рабочим и крестьянам был установлен жестокий террор. «Горе тому селению или отдельному хозяйству, — гласил приказ начальника Двинского уездно-административного управления, — из которого кто-нибудь пошёл бы навстречу большевистским организациям и оказал бы им в чём-либо содействие... Такие селения и хозяйства будут разрушаться, и места наказания смерти будут переполнены их трупами».

Немцы восстановили в Белоруссии помещичье землевладение, и под защитой немецких штыков белорусские помещики стали отбирать у крестьян землю, скот и урожай; для крестьян были введены принудительный труд на помещичьи принудительные общественные работы, а затем начался террор, изгнания, массовые расстрелы и поголовный грабёж оккупантами широкого белорусского населения.

О немецком терроре в оперативной сводке Московского военного округа от 10 марта 1918 г. сообщалось следующее: «Обращение неприятеля с попавшими к нему в плен украинское: всех избивали и расстреливали; также расстреливаются все по указанию помещиков, что он большевик или член Советов... Издав приказ о возвращении помещикам всего отобранного. Все Советы и комитеты уничтожены, и целью своего наступления немцы ставят политическую борьбу с советской властью»¹.

С первых же дней оккупации немецкий грабёж принял беспощадный характер. У населения отбирались скот, хлеб, сало, мясо, и награбленное целыми поездами ежедневно отправлялось в Германию. В случае малейшего сопротивления крестьяне подвергались жесточайшим репрессиям и расстрелам. 4 мая 1918 г. Сенненский источник сообщил телеграммой в Москву Совету Народных Комиссаров: «Ещё раз настоятельно прошу указать германскому командованию на недопустимость вопиющему варварскому отношению к крестьянам. Были случаи абсолютного разорения деревень, увода жителей; целые деревни сидят в заключении. В Минске последние крохи отбирают насильно; крепостное право восстанавливается в полном смысле сего слова; репрессии растут с каждым днём»².

Кроме продуктов сельского хозяйства, немцы насильно отбирали у населения и вывозили в Германию дрова, сено, изделия из металла и стекла и пр. В Сенненском уезде немцы

сожгли хутор Сиротка за отказ крестьян выдать реквизиционный реквизиционный хлеб.

Крестьяни деревни Осташковичи, Речицкого уезда, Павел Моисеев Путиус отказался отдать немцам свою лошадь и, по словам немецкого солдата, произведённого реквизицию, будто бы ударил его, за что был приговорён комендантом станции Осташковичи к смертной казни и расстрелян. Одновременно тот же комендант наложил штраф на всю деревню Осташковичи, сделал её ответственной за Путиуса. Деревня должна была сдать немцам «80 штук свиней, не менее 3 пудов каждой, на сумму 30000 рублей, и 20 голов рогатого скота, не менее 10 пудов каждая, на сумму 12000 рублей — всего на сумму 42 000 рублей. Скот и свиньи были доставлены крестьянами, погружены в вагоны¹ и отправлены в Германию.

Кроме реквизиций и грабежей, белорусское население вымогало под гнетом немецких оккупантов от всевозможных жителей на лошадей, коров, овец, собак и даже кошек. Немцами была установлена в Белоруссии особая плата за переход и переход через мосты и дороги. Так, например, в городе Борисове за переход по мосту через реку Березину была установлена плата в 40 копеек с каждого пешехода.

«За неповиновение немцам властям расстреливались солдаты рабочие и крестьяне. 30 мая по распоряжению генерала Фельденталя в Слуцке было расстреляно 62 человека, в числе их — все члены Слуцкого комитета».

Тюрьмы были переполнены рабочими, крестьянами и трудовой интеллигенцией. В мае в минскую тюрьму привезли крестьян Новогрудского, Слуцкого и других уездов, которые оказали сопротивление немцам, отбиравшим у крестьян землю, скот, хлеб.

Десятки тысяч людей были угнаны в Германию на каторжные работы на предприятиях, в помещичьих и кулацких хозяйствах. Озерские захватчики произвели настоящую охоту на людей². Такую охоту немцы устроили, между прочим, в Минске 8 апреля 1918 г., когда немецкие отряды оцепили целые кварталы и произвели повальные обыски. При этих обысках задерживались все мужчины, отправлявшиеся затем под козым в грязные и холодные баракы, а оттуда они вывозились целыми эшелонами в Германию на каторгу.

21 апреля 1918 г. Областной комитет РКП (большевиков) Северо-Западной области сообщил телеграммой Совнарком:

¹ «Красный архив», кн. 6 (91), 1938, стр. 97.

² О. Шеняк, Степасская война против немецких захватчиков в 1918 году в Белоруссии, 1941, стр. 8.

¹ «Красный архив», кн. 6 (91), 1938, стр. 93.

² Там же, стр. 94.

«Облесткомом Российской коммунистической партии большевиков получены сведения от ответственных партийных товарищей из Минска о вопиющих нарушениях международного права, творимых немецкими властями в Минске. Немцы охотятся на людей, доводят поголовно всех на улицах и в домах, держат в лагерях под стражей, а затем грузят в наглухо запечатанные вагоны и увозят в неизвестном направлении. На улицах пушки и пулеметы и удерживают патрули. В городе паника, население терроризовано; за попытки к бегству расстреливают»¹.

В окрестностях села Полошки, около Глухова, в июне 1918 г. было казнено около 15 человек, которых не только расстреливали, но и резаки, а затем трупы бросили в ямы, из которых добывались грибы².

Немецкие оккупанты подвергали белорусский народ массовому истреблению. Так, например, из Семеновского уезда сообщали: «В оккупированной местности ежедневно сжигаются массы селений. Десятки тысяч людей погибают неминуемо. Сотни тысяч семейств обречены на голод и смерть»³.

Белорусский народ, однако, стойко выдержал разбойничьи нападения вооружённых до зубов немецких оккупантов. По призыву советской власти он поднялся на защиту родины и, несмотря на превосходящие силы противника, в течение 10 месяцев, с февраля по декабрь 1918 г., в кровопролитных боях с ненавистным врагом героически отстаивал свою свободу и землю. Белорусские рабочие и крестьяне с энтузиазмом вступали в ряды Красной Армии и организовывали партизанские отряды, помогавшие ей громить врага.

6 марта 1918 г. комиссар чрезвычайного штаба района Новосколышки, Псковской губернии, сообщали телеграммой Совнаркому: «Ефосилянская, Зампанская, Дервишенская, Кюстицкая, Изынская волости Полоцкого уезда вступили в отчаянную партизанскую войну с немцами и помещиками; немцы, руководимые сайками помещиков, делают набег на организацию и просто деревни; у партизан нет патронов и мало винтовок, по возможности их снабжаем. Население этих волостей, после того как немцы издали приказ о возвращении всего помещикам, единодушно стало вести борьбу; настроены очень волевым и бодром»⁴.

¹ «Красной армия», 1938, стр. 93.

² Там же, стр. 94.

³ О. Шенюк, Отечественная война против немцев захватчиков в 1918 г. в Белоруссии, Гостиздат, 1941, стр. 9.

⁴ Цит. по материалам К. Софронова, опубликованным в «Красной армия», ил. 6 (91), 1938, стр. 99.

Оперативная сводка Военного комиссариата Московской области от 16 марта 1918 г. сообщала: «На всем западном фронте идёт усиленное и успешное формирование крестьянских партизанских отрядов по своей инициативе. Развертка сообщает о начавшейся перегруппировке крестьянских ударных групп. В тылу немцев усиленно действуют наши партизаны; получены сведения, что между Гомелем и Жлобиним взорван немецкий бронированный поезд. Крестьяне к немцам настроены враждебно и к себе в деревню без сопротивления не пускают»¹.

Партизанское движение в Белоруссии вскоре же после вторжения немецких бандитов на белорусскую территорию приняло самые широкие размеры. Так, например, по имеющимся в нашем распоряжении неполным данным, в Клейковском районе действовало около 25 партизанских отрядов; в Речицком уезде насчитывалось до 800 вооружённых партизанских бойцов; только в одной Рудобельской волости было до 400 бойцов; в Полесье партизанский отряд состоял из 500 человек и имел у себя пулеметы и орудия. Много партизан действовало в Бобруйском уезде, и т. д. Эти партизанские отряды мужественно вели борьбу с превосходящими их численностью и лучше вооружёнными войсками оккупантов и наносили им чувствительные удары. В августе в Гомельском уезде произошло несколько крупных боев белорусских партизан. 13 августа партизанский отряд в составе 120 человек занял деревни Амишки, Добровку и выгнал отсюда немцев. 21 августа между партизанским отрядом, состоявшим из нескольких сот человек, и немцами произошёл бой возле деревни Носиковичи. Бой продолжался несколько часов. Немцы пустились в ход артиллерию, но она не помогла им: разбиты партизаны не удалось, партизаны отступили в полном порядке, а взбешённые неудачей немцы сожгли деревню. Бессильные справиться с партизанами, немецкие варвары обыкновенно истли уничтожением деревень. Но это не останавливало белорусский народ в его борьбе с кровожадным врагом. Партизаны беспрестанно нападали на небольшие отряды оккупантов, уничтожали оставших немецких солдат, пускали под откос поезда, направлявшиеся из Белоруссии в Германию с награбленным у крестьян добром.

Ведя смертельную борьбу с немецкими оккупантами, белорусский народ знал, что он не одинок и что на помощь ему придет Красная Армия, которая поможет ему отстоять свободу от немецких насельников. «С немецкими империалистами,

¹ «Красной армия», ил. 6 (91), 1938, стр. 99.

буржуазией, помещиками будем бороться до последней капли крови и готовы выступить на борьбу по первому зову советской власти и ей только согласны подчиняться¹, — так заявили в своей резолюции крестьяне Тимоновской волости Клязьминского уезда.

Не щадя своей жизни, белорусские рабочие и крестьяне под руководством коммунистической партии, оказывали путь на каждом шагу его продвижения на восток самоотверженное и упорное сопротивление. Наиболее отчаянные и кровопролитные бои с немцами проиозили под Оршей, Гомелем, Калыковичами, Речицей и в районе Добруша.

Оперативная сводка Военного комиссариата Московской области от 26 марта 1918 г. сообщала, между прочим: «Получено известие, что крестьяне режутся с немцами за Речицей. Крестьяне окопались и дерутся с немцами. Обилие 1 тыс. автоматов и 4 пулеметов»².

По сообщению оперативной сводки того же комиссариата от 11 апреля 1918 г., в бою под Новозыбковом «блистаче отличились 1-й Московский партизанский отряд, крестьянские отряды и артиллерия; действия их выше всякой похвалы»³.

К июню 1918 г. в некоторых районах Белоруссии возмущение народа против оккупантов приняло характер повсеместных восстаний крестьян против немецких частей, сопровождаемых расстрелами с мелкими немецкими отрядами и помещиками. То же происходило в Слуцком, Речицком, Быховском и Бобруйском уездах, где возникли широкие крестьянские волнения в связи с тем, что немцы стали отбирать у крестьян урожай. Минская и Могилевская губернии были объявлены немцами комендованной на военном положении. В деревнях были посланы карательные отряды, но крестьяне нападали на них, уничтожали немецких солдат и отбирали у них оружие. «В Слуцком уезде отряд немецких солдат был перерезан восставшими крестьянами»⁴.

Так героический белорусский народ в 1918 г. встретил немецких извергов, которые вторглись в его страну, для того чтобы лишить его свободы, отнять у него политую потом и кровью родную землю, ограбить и разорить города и сёла и вновь захватить его в крепостной неволе. Но из этого ничего

не вышло! В героической борьбе с немецкими варварами-оккупантами белорусский народ не только сумел отстоять свою свободу и землю, но и зацвятил своею грудью великую Советскую республику от дальнейшего продвижения немцев, задержав их на линии Псков — Орша — Могилёв — Гомель.

«Свободолюбивый белорусский народ со славой прошёл великий путь своей тысячелетней истории. Урашая родную землю трудами своих рук, он вносил свой вклад в сокровищницу славянской культуры. Белорусский народ всегда был тесно связан с русским и украинскими народами и всегда был верен своему кровному родству с ними. Это братское единство давало ему силы оставаться самим собою, помогало формировать свои национальные черты... Не раз белоруссы восставали против своих эксплуататоров. В народной памяти сохранились имена и дела руководителей крестьянских восстаний — Наливайка, Галоты, Кривошапка, Михаленка, Гаркуша, Хвеська, Вацлава, Глинского, Кастуся Калиновского.

Сквозь века страданий, тяжёлой, упорной борьбы прошёл и сохранил белорусский народ свою культуру, свой язык»¹.

За века страданий и упорной борьбы белоруссы выковали славные боевые традиции, уходящие своими корнями в далёкое историческое прошлое.

Эти боевые традиции с новой силой ожили в белорусском народе в наши дни, в дни Великой Отечественной войны, в дни беспримерных в истории человечества испытаний и героизма народов Советского Союза, когда в беспощадной борьбе с немецкими захватчиками на долю белорусских народных мстителей выпала высокая честь быть одним из передовых отрядов борцов-патриотов.

«Гитлер задумал истребить и поработить славянские народы, но никогда славяне не будут рабами! Нет таких сил, которые могли бы заставить русский, украинский, белорусский народы, поляков, чехов, сербов отказываться от непримиримой борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Эта борьба идёт не на излёта, а на смерть. Она будет доведена до своего конца — до полного разгрома оккупантов, до полного их истребления»².

¹ О. Шестун, Отечественная война против немецких захватчиков в 1918 г. в Белоруссии, Госполитиздат, 1941, стр. 10.

² Красный архив, кн. 6 (91), 1938, стр. 92.

³ Там же.

⁴ О. Шестун, Отечественная война против немецких захватчиков в 1918 г. в Белоруссии, Госполитиздат, 1941, стр. 10.

¹ З. Горбунов, Белоруссия ищет, Белоруссия борется! Госполитиздат, 1943, стр. 4—5.

² Правда от 29 ноября 1941 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая. МАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НАСТУПЛЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ПАРАДАГОС—ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НА СЛАВЯНСКОГО ВОСТОКА	11
1. Государство Саксы (823—850)	11
2. Вемтогарское княжество (818—906)	12
3. Богемское княжество (874—1041)	13
Глава вторая. РАЗБОЙНИЧЬЕ НАПАДЕНИЕ НЕМЕЦКОХ ЖИДНИКОВ НА БЕЛОРУСЬ И ПРИБАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН В VIII—XII ВЕКАХ	19
Глава третья. БОРЬБА ВОЛГАРСКОГО НАРОДА С КРЕСТОНИЦАМИ В XI—XII ВЕКАХ	23
Глава четвертая. БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В XIII—XV ВЕКАХ	26
1. Лядовое побоище 5 апреля 1242 г.	28
2. Разгром немецких «вон-рыцарей» у Гринвальда и Таллинберга 15 июля 1410 г. объединенными силами славянских народов	32
Глава пятая. БОРЬБА ЧЕШСКОГО НАРОДА С АВСТРИЙСКИМИ НЕМЦАМИ В XIV—XVIII ВЕКАХ	34
Глава шестая. РАЗГРОМ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ В СЕМILEТНЕЮ ВОЙНУ (1756—1763) НЕПОБЕДИМОЙ АРМИИ ФРИДРИХА II ВЕЛИКОГО И ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА	39
Глава седьмая. БОРЬБА ПОЛЬСКОГО НАРОДА С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ	44
1. Польско-немецкие отношения при первых польских королях (X—XII вв.)	44
2. Борьба польского народа с тевтонскими рыцарями	46
3. Борьба польского народа со шведскими интервентами и бриггенбургскими немцами	49
4. Польский народ накануне политической катастрофы в XVIII веке	60
5. Разделы Польши 1772, 1793 и 1795 гг.	53
Глава восьмая. ЦАНГЕРМАНИЗМ И ЕГО ЗАХВАТНИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В XIX ВЕКЕ	58
Глава девятая. ПОЛЬСКИЙ НАРОД ПОД ПРУССАККИМ ИГОМ В XIX ВЕКЕ	63
Глава десятая. РАЗБОЙНИЧЬЕ НАПАДЕНИЕ АВСТРИЙСКИХ НЕМЦЕВ НА СЕРБСКИЙ НАРОД В 1914 г.	76
Глава одиннадцатая. РАЗГРОМ НЕМЕЦКОХ ИНТЕРВЕНТОВ НА УКРАИНЕ В 1918 г.	81
Глава двенадцатая. БОРЬБА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА С НЕМЕЦКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ В 1918 г.	89

Отвественный за выпуск Ф. Понстантиков

Редактор В. Юштар

Художественное оформление книги художник Е. А. Себельников.

Получено в печать 25 ноября 1943 г. А163. Объем 6 в. л. Тираж 50 тыс. экз.

Ленинградское отделение ЦУМ. Цена 1 руб. 50 коп.

1-я Образцовая тип. Облгос РСФСР треста «Полиграфинт». Москва, Валовая, 28.